P 110
78

Р 110/78

ТРИ РАЗА
ВЪ КРОНШТАДТѢ
У О. ІОАННА.

Протоіерей Александръ Соловьевъ.

Цѣна 30 коп., съ перес. 40 коп.

ОМСКЪ.
Типографія К. П. Демидовой.
1903 г.

В. 1939

Извлечено изъ №№ 6—7 Омскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей
г. Омскъ. Тип. К. И. Демидовой.

2007056307

Центральный книгообменный фонд
Отделение комплектования
Государственной библиотеки СССР
им. В. И. Ленина

О. протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (Кронштадскій).

Российская
Государственная
библиотека
11680-94

10/4668

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Чесо изыдосте въ пустыню видѣти?“
Матѳ. XI, 7.

„Покайтесь!“ раздался когда-то на зарѣ христіанства голосъ проповѣдника въ безплодной пустынѣ Іордана. „Покайтесь, ибо, приблизилось царствіе Божіе“ (Матѳ. III,—2). Такъ началъ свою проповѣдь великій проповѣдникъ, „денница Солнца“—Предтеча Христовъ, Іоаннъ. И многовѣковая тишина безлюдной пустыни, которая оглашалась лишь ревомъ звѣрей, нарушилась. Голосъ пророка пронесся по градамъ и весямъ и народъ, блуждающій во тьмѣ, не имущій пастыря, толпами устремился къ Іоанну въ пустыню. Гордые фарисеи, богачи саддукеи, презираемый мытарь, воины и другіе устремляются въ пустыню, исповѣдуютъ грѣхи свои и крестятся въ Іорданѣ.

Какъ многое тутъ пробудилось!
Всѣ тайны раскрылись сердецъ:
То мытарь блѣднѣлъ и молился,
То въ латахъ смирялся боецъ.
И слезы текли по ланитамъ,
И вздохи кипѣли въ устахъ;
И всѣ торопились омыться
Въ купельныхъ Іорданскихъ волнахъ.

Пламенная, жгучая, какъ зной пустыни, грозная рѣчь проповѣдника, необыкновенный его видъ и одежда, смуглое запаленное солнцемъ его лицо, проницательные глаза поражали народъ. „Что намъ дѣлать?“ вопрошали дивнаго пророка.... Не онъ-ли

№ 7125

Христосъ? вопрошали иные.... Многое благовѣствовалъ Предтеча народу, поучая его (Луки III гл. 10, 15, 18).

Исполнились пророческія слова Исаіи: „радуйся пустыня жаждущая, да веселится пустыня и да цвѣтетъ яко кринъ. И процвѣтетъ и возвеселится пустыня Іорданова.... яко проторжеся вода въ пустыни и дебрь въ земли жаждущей“ (Ис. XXXV гл. 1, 2, 6).

И въ настоящее время просятся на уста приведенныя слова Исаіи пророка.

И нынѣ въ 30 верстахъ отъ славнаго Петрограда, въ прежде безвѣстномъ и какъ-бы пустынномъ Кронштадтѣ „проторжеся вода“,—слышится голосъ проповѣдника покаянія и пастыря Христова о. Іоанна. „Кайтесь, кайтесь“ и теперь какъ-бы я слышу его рѣзкій, громкій голосъ въ Андреевскомъ соборѣ передъ 5000 толпой, призывающій народъ къ покаянію. „Кайтесь, царствіе Христово и Христосъ съ нами. Онъ присутствуетъ невидимо съ вѣрующими и видимо въ Пречистыхъ и Животворящихъ Тайнахъ.... Идите къ Нему вси труждающіеся и обремененніи“...

Этотъ звонкій, ободряющій, какъ свѣжій вѣтерокъ моря, голосъ не грозный, а любящій, страждущій за братію, голосъ пастыря зоветъ и собираетъ къ нему народъ. Тысячи народа, люди разныхъ званій и положеній съ разныхъ концевъ обширной Руси, за тысячи верстъ устремляются въ Кронштадтъ къ о. Іоанну. „*Чесо изыдосте въ пустыню видѣти?*“. Что влечетъ народъ въ пустынный для вѣрующихъ Кронштадтъ? „Что значитъ такое многочисленное торжествующее собраніе?“ вопрошаетъ самъ о. Іоаннъ въ своемъ поученіи. „Что подвигло сердца и стопы ваши въ этотъ городъ, ничѣмъ особеннымъ не отличающійся отъ другихъ?... Многимъ, многимъ изъ васъ, какъ простымъ, смиреннымъ богомольцамъ, кажется и на умъ не приходило, что вы шли и двигались по волнамъ въ укрѣпленный, военный городъ. Что вамъ до нашихъ грозныхъ крѣпостей и кораблей съ пушками? Всѣ вы простые, добрые христіане и мирные граждане, и пришли не укрѣпленія посмотрѣть, а именно въ этотъ храмъ первозваннаго Апостола—помолиться усердно вмѣстѣ съ нами, да кого-то съ днемъ Ангела поздравить... Знаю, что вы, дорогіе отцы, братія и сестры, ради меня недостойнаго пастыря и сопастыря собрались здѣсь... почтить въ лицѣ моемъ служителя Христова и посильнаго вашего сомолитвенника, совершителя спасительныхъ Таинъ Христовыхъ и споспѣш-

ника вашему спасенію и христіанскому богоугодному житію“.... (Поуч. 1898 г. стр. 60).

Итакъ, народъ идетъ въ Кронштадтъ, чтобы повидать батюшку, принять отъ него благословеніе, укрѣпиться его молитвою въ немощной и скорбной жизни, спросить совѣта, указаній.

Здѣсь въ нѣкоторомъ смыслѣ болѣе Іордана: тамъ омывались во образъ будущаго крещенія, а здѣсь, омытые слезами покаянія, крещаются Духомъ Святымъ, возрождаются, укрѣпляются въ духовной жизни, соединяются со Христомъ въ Пречистыхъ Тайнахъ.

Смиренный видъ о. Іоанна, открытое его мирное лицо, ласковые, голубые глаза, сильное слово, задѣвающее струны сердечныя и вызывающее слезы сокрушенія,—благодать Божія, дѣйствующая чрезъ него, влекутъ къ нему народъ, удивляютъ и поражаютъ народъ.

На вопросъ: „что намъ дѣлать“, получаютъ здѣсь отвѣтъ изъ Слова Божія, изъ опыта подвижника—пастыря, получаютъ въ таинствахъ и его молитвѣ благодатную силу для борьбы съ грѣхомъ, видятъ въ немъ живой примѣръ истиннаго христіанскаго пастыря. Поражаясь личностью пастыря, нѣкоторые по темнотѣ своей и невѣжеству задаютъ вопросъ, „не онъ ли Христосъ?“—готовы боготворить его (самъ о. Іоаннъ, напримѣръ, ѣздилъ въ Костромскую губернію для вразумленія боготворившаго его лжеучителя Пономарева). Иностранцы и инородцы и тѣ знаютъ о. Іоанна. Въ его лицѣ осуществляется и торжествуетъ истина всей вѣрующей Православной Церкви: „пріиди и виждь“, можно сказать всякому вопрошающему объ истинѣ, посмотри на служеніе вѣрнаго Христова послѣдователя, сына Православной Церкви, достойнаго пастыря и скажи: откуда эти необычныя явленія силы Божіей „съ небесе, или отъ человѣкъ“, и не осуществляются-ли въ его необычномъ служеніи истины Евангелія?

Итакъ „укрѣпитеся, руцѣ ослабленныя и колѣна разслабленныя. Утѣшитеся, малодушніи умомъ, укрѣпитеся, не бойтеся... яко проторжеся вода въ пустыни и дебрь въ земли жаждущей“ (Исаіи XXXV гл. 3, 4, 6; Евр. XII, 12).

Удостоилъ Господь и меня три раза побывать въ Кронштадтѣ у о. Іоанна. Пребываніе въ Кронштадтѣ—свѣтлые и важные дни въ моей жизни: съ ними связано мое настоящее служеніе и

ими, можно сказать, дано направленіе моей жизни. Первое пребываніе въ Кронштадтѣ подробно описано въ книгѣ: „Два дня въ Кронштадтѣ“ В. М.—спутникомъ. Но и мнѣ хочется высказаться, чтобы успокоиться.—Можетъ быть и мои воспоминанія утѣшатъ кого нибудь, лишній разъ напомнивъ о добромъ пастырѣ, и мнѣ самому можетъ быть не безполезно оглянуться назадъ. Подойду въ этомъ случаѣ подъ защиту о. Іоанна. „Прекрасное и боголюбезное дѣло, говоритъ онъ, представлять чрезъ какой рядъ происшествій въ жизни достигли мы настоящаго своего положенія, потому что, часто представляя себѣ такую связь происшествій, составляющихъ жизнь нашу, мы приходимъ къ мысли о своемъ ничтожествѣ и смиряемся предъ Богомъ; а Ему—Создателю воспишемъ все сцѣпленіе многообразныхъ путей или событій, которыми Онъ велъ насъ къ настоящему положенію“ (121 стр. Богоп. и самоп.).

Итакъ, при Божіей помощи и во славу Божію, начну свое немудрое повѣствованіе, получивъ на то благословеніе самого „батюшки“—о. Іоанна.

ГЛАВА 1-я.

Первая поѣздка въ 1893 году.

Учитель,—гдѣ живешь?—Іоан. 1, 38.

Живя за стѣнами учебнаго заведенія внѣ общественной жизни, я—тогда еще юноша, до 1887 года не слышалъ ничего объ имени о. Іоанна. Помнится, лѣтомъ одинъ земскій врачъ задалъ вопросъ мнѣ: не слышалъ ли я чего нибудь объ о. Іоаннѣ Кронштадтскомъ? на мой отрицательный отвѣтъ, онъ сказалъ тогда, что въ газетахъ начинаютъ говорить что то дивное объ этой личности. Поступивъ въ духовную Академію, я и самъ сталъ въ печати встрѣчать извѣстія объ о. Іоаннѣ.

Желанія видѣть о. Іоанна у меня однако не являлось по самой невозможности и по отдаленности отъ Кронштадта. Не возможное стало возможнымъ, и отдаленное, далекое приблизилось. Помню счастливый день: одинъ товарищъ однокурсникъ, за нѣсколько дней до окончанія экзаменовъ въ 1893 году, подходитъ ко мнѣ и говоритъ: не желаешь-ли поѣхать въ Кронштадтъ? Я охот-

но согласился. Нашимъ путеводителемъ былъ о. М.—житель Кронштадта, морякъ—мичманъ въ отставкѣ, затѣмъ оптинскій послушникъ и тогда, съ благословенія о. Іоанна, студентъ Академіи; онъ ѣхалъ съ о. Іоанномъ, и намъ къ 19 мая нужно быть въ Кронштадтѣ. Собралось насъ всего 9 человѣкъ. Сборы студентовъ недолгіе,—на другой день по Николаевской желѣзной дорогѣ мы уже двигались въ Питеръ. Не успѣвъ еще одуматься и придти въ себя послѣ экзаменовъ, не успѣвъ даже закусить въ дорогу, я въ вагонѣ почувствовалъ радостный подъемъ духа. Если дѣтская радость можетъ быть выше и чище и полнѣе, чѣмъ радость взрослаго человѣка, то я готовъ чувство радости испытанной назвать дѣтскою радостью. Ученикъ кончившій экзаменъ, благополучно свалившій какъ-бы гору съ плечъ, пойметъ мое чувство радости, усугубленное еще представленіемъ, что я увижу извѣстнаго пастыря, и по пути увижу въ первый разъ Петербургъ. Быстрое движеніе поѣзда придавало какъ бы скорость теченію мысли. Мнѣ даже и не вѣрилось, что я ѣду въ Кронштадтъ; и утромъ, проснувшись въ вагонѣ, я не могъ сразу понять, гдѣ я. Такъ неожиданна была эта поѣздка.

Дорога Николаевская къ Петербургу очень однообразная и скучная, ранѣе въ воображеніи рисовалась она мнѣ болѣе оживленною.—Мѣстность ровная, однообразная, поселеній частыхъ и большихъ нѣтъ, топи, да лѣса, не доставало только развѣ для красы Финна—печальнаго пасынка природы. Широкая Волга, которую я зналъ отъ Ярославля до Самары, пересѣченная мостомъ за Тверью, очень не велика, и не имѣетъ здѣсь гордаго и величаваго вида, смотритъ небольшой рѣкой. Во 2-мъ часу дня 19 мая, со свисткомъ,—пыхтеньемъ и стукомъ паровоза подкатили къ Николаевскому вокзалу въ Петербургѣ. Вотъ и Петербургъ—столица Россіи, предъ которою склонилась Москва. Въ первый разъ я видѣлъ его, но почему то не было того восхищенія, съ какимъ два года тому назадъ въѣзжалъ въ первый разъ въ Москву. Обиліемъ храмовъ онъ не поражаетъ, какъ Москва; громада домовъ, правильное расположеніе улицъ, движеніе народа, конокъ, всевозможныхъ экипажей поражаетъ послѣ Москвы. Чувствуется жутко въ этомъ городѣ среди громады домовъ, и люди, кои снуютъ, бѣгутъ и ѣдутъ, кажутся маленькими. Я понялъ почему Москвичамъ нравится своя Москва.

По Невскому проспекту компаніей на извозчикахъ мы проѣхали прямо на пароходную пристань—Кронштадтъ. Съ пролетокъ, мимоѣздомъ осматривали дворцы: Аничковъ, Великаго Князя Сергія Александровича, памятники:—Мѣдный всадникъ, Александровская колонна, знаменитые соборы: Казанскій, Исаакіевскій, зданія—Синода, Сената и проч. На пароходѣ, чрезъ полтора часа плаванія, мы были вечеромъ уже въ Кронштадтѣ (разстоянія верстъ 30).—Качаясь въ отдѣльномъ дилижансѣ, осматривая чрезъ стекло, насколько можно, городъ, который, особеннаго послѣ Петербурга, ничего не представляетъ, мы проѣхали къ Андреевскому собору, остановились въ такъ называемомъ—„дѣвичьемъ монастырѣ“, въ домѣ принадлежащемъ о. Іоанну. Тутъ живутъ и ухаживаютъ изъ послушанія за паломниками старыя дѣвушки во главѣ съ А. Т. Я удивленъ былъ радушію, съ коимъ они встрѣтили знакомаго имъ о. М.; онѣ подошли подъ благословеніе къ нему, нѣкоторыя даже прослезились и уваженіе къ сану я прямо конечно приписалъ вліянію о. Іоанна. Для насъ, какъ ожидаемыхъ гостей, мѣсто нашлось,—удѣлена была свѣтлая чистая комнатка; изъ окна ея видѣнъ церковный домъ и во 2-мъ этажѣ двѣ три комнаты о. Іоанна. На наше счастіе на слѣдующій день будетъ служить и пріобщать о. Іоаннъ, онъ теперь пока въ Питерѣ, къ 9-ти часамъ, можетъ быть, вернется и заѣдетъ сюда; если время есть, служитъ въ этомъ домѣ вечеромъ молебны, и наканунѣ былъ. Вечеръ былъ въ нашемъ распоряженіи; отправились мы осматривать домъ трудолюбія, устроенный о. Іоанномъ. Онъ находится вблизи на другой улицѣ; зданіе громаднѣйшее 4-хъ этажное, съ церковью и надписью на немъ: „отъ почитателей о. Іоанна“. Со всѣми постройками онъ стоитъ до 500000 руб., говорили намъ. Въ началѣ было капиталу тысячъ до семидесяти, остальное пожертвовалъ о. Іоаннъ, и вѣчнаго капитала на этотъ домъ положено 180000 руб. (теперь до 500000 р.). Домъ трудолюбія представляетъ изъ себя цѣлый городъ со множествомъ учрежденій: церковь, училище, воскресная школа, школа кройки и шитья, сапожная мастерская, народная столовая, ночлежный и дѣтскій пріюты, богодельня, читальня, безплатная лѣчебница и т. под.,—всего до 26 учрежденій. Получивъ дозволеніе отъ завѣдующаго все осмотрѣть, мы приступили къ осмотру всего дома трудолюбія. Прежде всего какой то Осипъ повелъ насъ осматривать домовую церковь во имя св. Александра

Невскаго, построенную для о. Іоанна. Церковь сдѣлана со вкусомъ, подъ дубъ, иконы великолѣпны, особенно хорошо изображеніе Спасителя на стеклѣ въ алтарѣ; изъ алтаря лѣстница на низъ для о. Іоанна. Ризница удивила насъ богатствомъ: богатыя иконы, чаша, дарохранительницы, золотыя богатѣйшія ризы и другія облаченія и все изъ легчайшей матеріи (одна риза тысячъ въ пятнадцать), посохи, шелковыя рясы, вещи не церковныя: стаканы и др. и все это пожертвованія царственныхъ особъ и богачей почитателей. „Намъ бы въ Академію подобную ризу“, сказалъ кто то изъ насъ въ шутку; „скажите батюшкѣ, онъ слова не скажетъ и дастъ, что попросите“—сказалъ на это Осипъ. „Онъ и такъ много раздаетъ“. Тутъ же находится кабинетъ о. Іоанна, довольно уютный, небольшой, съ иконами и картинками: изображенія Государя и Государыни, Ярославскаго епископа Іонаѳана, матери о. Іоанна, его самаго, на столѣ письменныя принадлежности. Рѣдко только должно быть о. Іоаннъ здѣсь бываетъ.

Изъ церкви зашли въ третій этажъ, въ канцелярію, прочитали письмо, присланное о. Іоанну изъ Германіи съ просьбою помолиться объ исцѣленіи больного; зашли въ пріютъ для малолѣтнихъ дѣтей (мальчиковъ было человѣкъ 23 и дѣвочекъ 22). Помѣщенія для нихъ отдѣльныя; всѣ почти они безпріютныя сироты, одѣты одинаково, чистенько, въ спальняхъ чистота; отдѣльно устроены классы, и въ этотъ день происходили экзамены. Дѣти собрались и пропѣли: „Царю небосный“, „Отче нашъ“ и „Слава въ вышнихъ Богу“. Поютъ очень стройно. „Вотъ молитвенники за о. Іоанна“, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ.

Во второй половинѣ дома, съ другимъ подъѣздомъ, находятся вновь отстроенные номера для проѣзжающихъ, общія комнаты для мужщинъ и дамъ и отдѣльные для людей состоятельныхъ. Во второмъ этажѣ зало для присутствующихъ при молебнѣ за двойною загородкою. Иконы большія: Александра Невскаго, Андрея Первозваннаго, св. Троицы и др. Зало просторное, вездѣ полы паркетные. Отперли намъ и верхнюю горницу о. Іоанна, состоящую изъ двухъ комнатъ, она выходитъ на дворъ окнами, на сторону противоположную Питеру, на море. Ну, что это за видъ отсюда открывается? Никогда подобнаго я еще не видалъ! Художественныя картины не могутъ точно воспроизвести подобнаго вида. Я еще теперь въ восхищеніи отъ этой картины и теперь ее вижу,

но развѣ опишешь ее? Вотъ что отъ сюда приблизительно открывалось на море: море сходилось съ горизонтомъ, ничуть не отличаясь отъ него, и на этомъ живомъ и блестящемъ полотнѣ рельефно съ подробностями, съ развѣвающимися парусами выдѣлился корабль,—корабль былъ какъ-бы на небѣ, иллюзія сильная. Налѣво виднѣлся большой каменный фортъ, построенный казалось на воздухѣ; корабли стоящіе, плывущіе и другіе суда; еще лѣвѣе вдали виднѣлся гористый и зеленѣющій берегъ; направо все также движущался вода, а подъ ногами ближе большой лѣсъ, а еще ближе постройки, народъ и весь полукругъ зеленѣющагося острова, на которомъ расположенъ Кронштадтъ. Нужно сказать, что это было вечеромъ при закатѣ солнца. Солнце разными то серебристыми, то золотистыми цвѣтами отражалось на водѣ. Тишина невозмутимая... Не хотѣлось отрываться взоромъ отъ подобной картины, отъ восхищенія я не чувствовалъ какъ-бы ногъ подъ собой.

О. Іоаннъ рѣдко бываетъ въ этой комнатѣ: для него дороже красоты и глубины души человѣческой.

Но не можетъ быть, чтобы онъ не восхищался подобными красотами моря и природы! Вотъ какъ пишетъ въ одномъ мѣстѣ дневника: „Шелъ я моремъ вечерней порой на паровомъ суднѣ и съ душей полной высокаго удовлетворенія наблюдалъ захожденіе солнца, чуднымъ свѣтомъ блистающаго и озаряющаго подсолнечную. Быстро оно сѣло и, такъ сказать, спустилось подъ землю: остался полусвѣтъ, переходящій мало по малу въ полумракъ; потомъ появились звѣзды. Тишина была полная, вода зеркало. Какой чудный вѣчный порядокъ! Какая дивная гармонія въ безконечномъ твореніи! Какіе твердые, неизмѣнные законы!... Какая твердая Рука, предержащая вселенную! Какія щедроты Его источаются всѣмъ тварямъ! Казалось бы въ такомъ мірѣ должны быть довольны и благополучны всѣ земныя твари, особенно разумная тварь-человѣкъ, но онъ то именно и не доволенъ, и не благополученъ... У него-то, у этого разумнаго существа человѣка всякіе безпорядки въ жизни, всякія неустройства внутреннія и внѣшнія, всякія бури и волненія, всякія нелѣпыя ученія, часто вредныя для семейной, общественной и религіозной жизни, а оттуда всякія нестроенія, бѣдность, нищета, болѣзни и тысячи необычныхъ смертей“... (Правда о Бог. мір. и челов. стр. 204).

И картины природы возводятъ мысль пастыря къ Вседержителю Богу и къ человѣку, царю природы!

Съ верху мы спустились и побывали въ надворныхъ строеніяхъ,—были въ аптекѣ, въ мастерской плетельщиковъ—(плетутъ корзинки до 150 человѣкъ, получая по 12 коп. въ день). Забавна здѣсь вышла встрѣча о. М. съ какимъ то тоже прежнимъ знакомымъ морякомъ. Послѣдній, долго не узнавая бывшаго мичмана, когда узналъ наконецъ, прослезился и, не говоря почти ни слова, доказывалъ свою преданность и радость жестами,—не отставая отъ насъ, онъ рукою все водилъ по горлу, т. е. „вотъ готовъ теперь по желанію о. М. положить свою голову“. Зашли въ хлѣбную, здѣсь продается хлѣбъ, чай и сахаръ по билетикамъ въ $1^1/_2$ коп. и по копѣйкѣ; эти билетики вездѣ продаются, и нищіе по нимъ здѣсь получаютъ хлѣбъ. Способъ этотъ нововведеніе о. Іоанна, чтобы деньги не пропадали на винопитіе. „Сегодня, говорили, по такимъ билетикамъ продано рублей на 17—18-ть“.

Осмотрѣвъ наконецъ почлежный пріютъ и читальню, мы удалились изъ дома трудолюбія. На улицѣ, какъ и на слѣдующій день, обѣ стороны были запружены народомъ—это ждала голытьба подаянія, ежедневно выдаваемаго о. Іоанномъ или довѣрительнымъ отъ него лицемъ.

Вечеромъ, при огнѣ читали правило и акафистъ, приготовляясь къ Причастію. Пѣли хоромъ монастырки, чтеніе шло долго. Я ужъ слишкомъ усталъ за день,—ноги подкашивались. Расположившись на хорошей постелѣ на полу, я скоро заснулъ богатырскимъ сномъ, въ просонкахъ однако слышалъ, что о. М. ѣздилъ и видѣлъ гдѣ то о. Іоанна, который вернулся изъ Питера часовъ въ одиннадцать.

Въ 5-мъ часу насъ разбудили: нужно было идти къ утрени и пораньше, пока народу мало. На улицѣ и въ Андреевскомъ соборѣ былъ уже народъ; собирались къ общей исповѣди. Насъ съ затрудненіемъ провели за рѣшетку амвона въ алтарь, тамъ были священнослужители. Ждали о. Іоанна. Минутъ черезъ пятнадцать—двадцать явился и о. Іоаннъ неожиданно для меня; я увидѣлъ его вблизи уже престола, онъ вошелъ въ храмъ чрезъ боковыя двери алтаря: сквозь толпу находящуюся въ соборѣ онъ конечно не могъ-бы добраться до алтаря. И вотъ въ первый разъ я вижу предъ собою о. Іоанна. Онъ быстро подошелъ къ престолу, при-

ложился къ нему, помолился и сталъ радушно привѣтствовать своихъ сослуживцевъ. „Это студенты Академіи? спросилъ онъ, обращаясь къ намъ, давайте братски поцѣлуемтесь, побратски лучше“, благословляя и цѣлуя насъ. говорилъ онъ. Все это онъ дѣлалъ очень быстро. Я всматриваюсь въ его лицо; лицо и движенія необыкновенны. Росту онъ средняго. а, смотря на карточки фотографическія, я представлялъ его высокимъ, необыкновенно добрый, подвижной, свѣжій и маложавый для своихъ лѣтъ, волоса короткіе, не сѣдые еще, и глаза голубые, и много въ нихъ выражается любви и простоты, такъ и хочется въ нихъ смотрѣть.

Облачившись въ ризу краснаго цвѣта, о. Іоаннъ началъ утреню. Голосомъ (теноръ) рѣзкимъ онъ произноситъ возгласы громко, отрывисто, одушевленно, какъ-бы выкрикиваетъ ихъ, оттѣняя слова, растягивая слоги и скоро произнося ихъ — речитативомъ. „Слава Святѣй... Единосущней... Животворящей, Нераздѣльней Троицѣ“... Чувствовалось, что эти слова идутъ отъ сердца, изъ глубины души. И молился онъ также особенно. Внѣшнее выраженіе о. Іоанна показывало, что весь ходатай ушелъ въ молитву,— онъ иногда оставлялъ крестное знаменіе и лишь клалялся въ поясъ, складывая руки на груди, поднималъ свои взоры къ небу, или въ иные моменты, облакачивался на престолъ, закрывая глаза и склоняя голову, или на колѣняхъ долго предъ престоломъ стоялъ безъ движенія. И въ алтарѣ не даютъ покоя ему: въ удобную минуту то одинъ, то другой подходятъ къ нему, кто съ запиской, кто со словесною просьбою, всякій со своими нуждами,. и тутъ же въ алтарѣ онъ давалъ совѣты и оказывалъ матеріальную помощь. Самъ онъ подходилъ къ нимъ съ разспросами. Подозвалъ о. М., вручилъ ему пакетъ денежный.

„Это гостинецъ студентамъ, сказалъ онъ, я знаю они народъ бѣдный“, и далъ оказалось, 300 рублей. И мнѣ помнится тотъ величественный моментъ, какъ о. Іоаннъ, во время утрени, подошелъ къ жертвеннику, палъ на колѣна, положилъ крестообразно руки на лежавшія здѣсь всевозможныя записки о здравіи и за упокой и такъ неподвижно пробылъ минутъ десять. Понятно о чемъ молился о. Іоаннъ Предъ Всесильнымъ Господомъ: безъ сомнѣнія, подобно Геосиманскому Страдальцу, онъ, предавая на волю Божію имена, ихъ же Ты Самъ, Господи, вѣси, горѣлъ любовію за просимыхъ и, по-

добно ходатаю—Моисею, или апостолу Павлу (Рим. IX, 3), готовъ душу свою положить за немощную и недугующую братію. Только вѣдь такая самоотверженная и неотступная молитва пастыря дерзновенна! „Господи, прости имъ грѣхъ или изгладь меня изъ книги твоей", молился ходатай пророкъ Моисей (Исх. XXXII, 32). „Господи Іисусе Христе! Ты вѣдаешь, что не сойду я съ сего камня, хотя бы пришлось мнѣ и умереть на немъ, и не вкушу ни хлѣба, ни воды, до тѣхъ поръ, пока ты не услышишь меня"... молился свят. Павелъ препростый (Чет. Мин. окт. 4.) Съ такою настойчивостью и дерзновеніемъ молится и о. Іоаннъ. Канонъ на утрени о. Іоаннъ читаетъ и поетъ на клиросѣ всегда самъ. Онъ переживаетъ то, что содержится въ стихахъ и пѣснопѣніяхъ, и это слышится въ выразительномъ и звучномъ его голосѣ. Онъ весь уходитъ въ это чтеніе. Отпечатлѣвъ на душѣ это содержаніе, онъ износитъ его живымъ наружу, какъ фотографическая чувствительная пластинка отпечатлѣваетъ предметы. Печаль, радость, умиленіе, сокрушеніе, упованіе—все это слышится въ его чтеніи. Чтеніе его походитъ на разговоръ—бесѣду. Кончилась утреня, началась литургія, на клиросѣ пѣли уже пѣвчіе. О. Іоаннъ скоро облачился. За проскомидіей вынулъ три агнца, а изъ нѣсколькихъ корзинъ вынулъ лишь нѣсколько просфоръ. Въ камилавкѣ, съ особеннымъ румянцемъ на лицѣ отъ внутренней согрѣтой молитвы о. Іоаннъ началъ литургію соборне. Иногда бралъ напрестольный крестъ и, почерпая силу отъ него, съ умиленіемъ цѣловалъ его нѣсколько разъ или преклонялъ голову на престолъ.

Чѣмъ дальше шла литургія, тѣмъ болѣе онъ воодушевлялся. Во время великаго выхода, такъ называемыя, кликуши подняли сильный крикъ и топотье. О. Іоаннъ, кажется, велѣлъ ихъ вывести, и крикъ стихъ. Наступили важнѣйшіе моменты, приближалось время пресуществленія Святыхъ Даровъ. Послѣ Херувимской пѣсни о. Іоаннъ облокотился на престолъ, закрылъ лицо свое руками и застылъ какъ бы въ этомъ положеніи. Думается, что мысли его витали тамъ, гдѣ Великій Первосвященникъ, идущій на самозаклапіе, оставленный всѣми, изнемогалъ подъ тяжестью креста Своего... „Христосъ посредѣ насъ живый и дѣйствуяй", говоритъ о. Іоаннъ сослужащимъ послѣ „возгласа: возлюбимъ другъ друга". Воспрянувъ какъ бы и укрѣпившись еще болѣе молитвою, онъ начинаетъ произносить священныя слова и возгласы. „*Горѣ имѣемъ*

сердца", восклицаетъ онъ, воздѣвъ руки. Духъ его давно уже тамъ витаетъ горѣ—у Престола Божія, и теперь онъ при помощи своихъ крыльевъ хочетъ поднять туда, зоветъ и предстоящихъ. Произносятся слова великаго Первосвященника Христа при установленіи Святаго Таинства: „*Сіе есть тѣло мое... пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя...* Глубокая вѣра и благоговѣніе слышатся въ словахъ произносящаго: чувствуется, что онъ предстоитъ предъ самимъ престоломъ Божіимъ и возноситъ всеправедную, умилостивительную жертву Самаго Агнца—Христа. Великій моментъ! Оттѣненныя слова „за вы... о всѣхъ и за вся" невольно трогали сердце и сознаніе молящихся. „И за меня значитъ,—пронеслось въ сознаніи, преломляется Пречистое Тѣло и изливается Кровь, за всѣхъ живыхъ и умершихъ, и кто приносится въ жертву?—Самъ—Онъ, приносяй и приносимый—Господь?! Единымъ сердцемъ поистинѣ возносилась, горѣла молитва: посредникъ—пастырь молитвою и благодатію Христовою возгрѣлъ и приблизилъ сердца къ Богу. Слезы обильно лились изъ его глазъ, и онъ отиралъ ихъ то однимъ, то другимъ платкомъ. Прочитаны молитвы призыванія Святого Духа и освященія Св. Даровъ... „Богъ явился во плоти" слышатся его слова,—слова вѣры непоколебимой. Разомъ сказалась тутъ какъ бы и скорбь за уничиженіе Богочеловѣка, и близость Его къ намъ, и любовь къ Нему, тако возлюбившему міръ, и радость за спасеніе человѣка и желаніе спострадать Ему Крестоносцу. Какая то особенная духовная радость, небесный покой отразились на лицѣ о. Іоанна,—утомленности и скорби, которыя замѣтны были ранѣе, не стало.

„Чудно, говоритъ онъ самъ себѣ, обновляюсь я божественными тайнами Тѣла и Крови Христовыхъ всякій день доселѣ, до 70-го года моей жизни, и какъ бы не старѣюсь, сохраняясь благодатію свѣжимъ и бодрымъ въ душѣ и тѣлѣ. Благодарю, благодарю, благодарю за сіе и за всѣ милости Господа моего, Іисуса Христа. А сколько силъ Его, сколько побѣдъ совершено Имъ во внутреннемъ моемъ мірѣ—нѣтъ числа! Слава, слава, слава Богу въ Троицѣ!" (Христ. Филос. стр. 151).

Литургія кончилась, на амвонѣ поставили аналогій. О. Іоаннъ вышелъ съ требникомъ. Соборъ полонъ былъ народомъ, масса народу отъ 4 до 5 тысячъ, только видны съ амвона головы у

этого единаго живого тѣла. Мы вышли изъ алтаря и встали около о. Іоанна, оборотясь къ народу. Началась общая исповѣдь.

„Грѣшники и грѣшницы подобные мнѣ, началъ о. Іоаннъ, вы пришли въ храмъ сей за тѣмъ, чтобы принести Господу Іисусу Христу Спасителю нашему покаяніе въ грѣхахъ и желаніе приступить къ Святымъ Тайнамъ Приготовились ли вы къ принятію этого великаго Таинства? Слушайте, мы прочитаемъ покаянныя молитвы".

И о. Іоаннъ начинаетъ читать громко, выразительно и съ чувствомъ первую покаянную молитву. „Боже, Спасителю нашъ.... Эту молитву нужно протолковать и объяснить". И начинаетъ просто, удобопонятно изъяснять прочитанную молитву. „Въ этой молитвѣ къ Богу Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Святѣйшему, Премудрому, Вездѣсущему Святая Церковь молитъ помиловать грѣшниковъ, простить имъ грѣхи, какъ нѣкогда Господь помиловалъ царя и пророка Давида, тяжко согрѣшившаго". Разсказалъ обстоятельно о. Іоаннъ о тяжкомъ грѣхѣ Давида царя, который, убивъ Урію, женился на красивой еврейкѣ, и не сознавалъ своего грѣха... Господь Богъ умилосердился надъ заблудшимъ грѣшникомъ, послалъ пророка Наоана для вразумленія. Царь Давидъ раскаялся, оплакалъ свой грѣхъ, и Господь по его скорбной молитвѣ простилъ его. Такой человѣкъ, какъ царь Давидъ, кроткій, благочестивый, мудрый, св. мужъ, пророкъ, глубоко палъ. Какъ легко согрѣшить человѣку? Сколько нужно бдительности за собою при искушеніяхъ діавола!...

Отпалъ отъ Бога и другой царь Іудейскій Манассія, впалъ въ идолопоклонство и своими беззаконіями прогнѣвалъ Бога... Долготерпѣніе Господне истощилось: Манассія былъ взятъ въ плѣнъ, руки и ноги его были закованы, и онъ какъ звѣрь позорно томился въ мрачной темницѣ. Наказаніе, посѣщеніе Божіе смирило его: онъ въ плѣну опомнился, сознавъ свой грѣхъ, смирился сталъ „шелковымъ", раскаялся Манассія, сталъ усердно молиться, день и ночь плакалъ о своихъ заблужденіяхъ и Господь простилъ и его... Въ лицѣ этихъ двухъ Царей, тяжко согрѣшившихъ, Церковь представляетъ намъ образцы искренняго покаянія. Господь Богъ страшный судья, предъ Нимъ всѣ равны, и цари подвержены суду... Но можемъ-ли мы осуждать согрѣшившихъ царей? Кто изъ

насъ безъ грѣха, кто не гордъ? Кто не честолюбивъ? Кто не обижалъ ближняго? Какъ грѣхъ силенъ!..“

Читаетъ и подобнымъ—же образомъ толкуетъ о. Іоаннъ вторую молитву Перво—Пастырю Господу Іисусу.

Указавъ на евангельскіе примѣры покаявшихся и прощеныхъ грѣшниковъ, упомянутыхъ въ молитвѣ, о. Іоаннъ приглашаетъ всѣхъ одуматься, поскорбѣть и поплакать о грѣхахъ своихъ. Мы неоплатные должники предъ Богомъ, призваны быть „народомъ святымъ“, людями обновленія, царскимъ священіемъ. Намъ сказано: „святи будете, якоже Азъ святъ есмь“ (1-е Петр. 1, 16).

Праведный и страшный Судья Господь не помиловалъ и падшихъ духовъ, возгордившихся противъ Него Самого, осудивъ ихъ на вѣчную муку. Мы, грѣшники, грѣшимъ каждую минуту, прогнѣвляемъ Господа. Отчего намъ оказано такое снисхожденіе? Богъ Отецъ послалъ въ міръ Сына Своего возлюбленнаго, который принялъ на Себя грѣхи всего міра, пострадалъ за грѣхи людей, снялъ проклятіе, избавилъ своими крестными страданіями отъ вѣчной муки. Это могъ сдѣлать только Онъ Сынъ Божій, а не человѣкъ. Богъ Отецъ далъ Ему всю власть суда надъ людьми. Господь—же передалъ власть Апостоламъ, а тѣ архіереямъ и священникамъ, въ томъ числѣ и мнѣ грѣшному—іерею Іоанну, власть разрѣшать кающихся, прощать или не прощать грѣхи, смотря потому, искренно-ли и съ сокрушеніемъ-ли сердечнымъ каются, или нѣтъ. Чтобы получить прощеніе, необходимо искренно, горячо, сердечно каяться. Прощеніе только у насъ въ Церкви, а не у еретиковъ и сектантовъ. Отъ пастырей Церкви оно зависитъ, хотя бы они были и недостойны. Что-же такое покаяніе?...

Покаяніе—даръ Божій, дарованный намъ ради заслугъ Единороднаго Сына Божія, исполнившаго всю правду Божію.

Покаяніе—даръ, данный для самообличенія, самоукоренія. Покаяніе есть твердое намѣреніе оставить свою прежнюю грѣховную жизнь, обновиться, примириться съ Богомъ и со своею совѣстью. Покаяніе есть твердое упованіе, что Милосердый Господь проститъ всѣ наши прегрѣшенія. Какъ гнилые сучки и вѣтви отпадаютъ отъ дерева, такъ нераскаянные грѣшники отпадаютъ отъ Главы—виноградной Лозы Христа, погибаютъ.

Братья и сестры, каетесь ли вы, желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете-ли свои грѣхи? Молились-ли Богу? пьянствовали?

прелюбодѣйствовали, обманывали, клятвопреступничали, завидывали злобствовали, воровали? Да, много, много, у васъ грѣховъ, всѣхъ ихъ и не перечтешь... Кайтесь, громко и властно кончилъ свое слово, о. Іоаннъ кайтесь въ чемъ согрѣшили?“

Вотъ въ общихъ чертахъ поученіе о. Іоанна. Оно, какъ видите, простое и будто-бы, какъ и всѣ другіе поученія досточтимаго пастыря, не выдѣляется изъ ряда обыкновенныхъ. Но это слово во благодати, солію растворено (Колос. 4, 6), слово властное, сильное (1 Кор. 2, 4; 4, 20); это слово, какъ остріе проникало въ глубины сердечныя, освѣщал всѣ тайники души, — это слово жгло сердца людей, представляя предъ лице Всевидящаго, Свѣтлѣйшаго Милосерднаго Господа... Все, что доселѣ тамъ было нечистаго, самими незримое, несознаваемое, тайное, все это выходило наружу... Такъ отъ сильнаго кипѣнія котла вся грязь выплываетъ и крутится наверху...

Я, какъ и прочіе, началъ слушать поученіе безъ особеннаго интереса, холодно. Но черезъ нѣсколько минутъ особенное какое то настроеніе какъ бы откуда то начинало сходить, охватывать народную душу, что то начинало подниматься въ ней и сильнѣе и сильнѣе заставляло переживать чувствовать правду словъ проповѣдника. Онъ властно бралъ, какъ бы, душу, влекъ за собою. Слышатся легкіе вздохи.

Сначала вся народная масса притихла, какъ-бы замерла, но вотъ начинается движеніе; оно, какъ лава, идетъ изъ глубины души. Вздохи дѣлаются глубже, начинаютъ набѣгать на глаза, облегчающія душевное томленіе, слезы. Еще мгновеніе, еще нѣсколько словъ властнаго проповѣдника, и вотъ раздаются рыданія; душа загрубѣвшая, погрязшая въ грѣховной суетѣ, распахивается, видитъ свою наготу, желаетъ свободиться отъ грязи и мрака...

Я отдаюсь этому неиспытанному ранѣе чувству; чувствую, что у меня на глазахъ слезы, опѣ начинаютъ литься, льются опѣ чистыя, покаянныя, благодатныя слезы и у всѣхъ кругомъ. Раздаются рыданія все сильнѣе и сильнѣе.

Раздаются раздирающіе душу крики: „батюшка, прости, помолись за насъ; всѣ мы грѣшники“. Море забушевало, стало такъ шумно, что не стало слышно и рѣчи о. Іоанна, „Тише, тише“, говоритъ онъ, водворяя тишину, устремляя взоръ въ разные части храма, дѣлая рукою быстрые жесты, „слушайте“...

Шумъ и вопли стихаютъ, но потомъ, съ новою силою, при сильныхъ жгучихъ словахъ проповѣдника, они увеличиваются и охватываютъ всѣхъ... „Будьте святы,—яко-же Азъ святъ“ произноситъ о. Іоаннъ слова Апостола, и снова какъ ножемъ рѣжетъ сердце, и какъ громъ раздастся и перекатываются въ соборѣ народный вопль о помилованіи и прощеніи, и на время бурнымъ ураганомъ гула народнаго прерывается проповѣдь, и проповѣдникъ старается водворить тишину... „Безгрѣшный Господь“ громко снова скажетъ пастырь и все собраніе грѣшниковъ снова плачетъ и вопіетъ... Когда же въ концѣ проповѣди о Іоаннъ произнесъ слова: „кайтесь, кайтесь,“ то невозможно и передать что произошло; сдерживаемые и задерживаемые ранѣе вопли и рыданія разразились, какъ сильный дождь и потокъ послѣ грозы; все накипѣвшее на душѣ, вся горечь вылилась наружу. Поднялся страшный шумъ, покаянный вопль. Кто рыдалъ громко, кто падалъ со слезами ницъ, кто стоялъ какъ бы въ оцѣпенѣніи... Многіе въ слухъ исповѣдывали свои грѣхи... „Грѣшенъ, ругался, Бога забывалъ, гнѣвался, пьянствовалъ“ и подобн. Каждый каялся по своему, но все составляло покаянный плачъ и вопль... Эта картина никогда не можетъ забыться... Величественъ въ эти минуты и о. Іоаннъ;—онъ пастырь словеснаго стада, словомъ коего возгрѣетъ огонь благодати въ этихъ кающихся сердцахъ, самъ стоялъ на виду у всѣхъ на амвонѣ, растроганный, потрясенный. Взоръ его былъ обращенъ къ небу, и онъ молился, скрестивъ руки на груди. Что онъ чувствовалъ,—переживалъ въ эти минуты? Нигдѣ болѣе, какъ здѣсь, онъ чувствовалъ свою власть и посредничество между Спасителемъ Господомъ и между кающимися грѣшниками, ради коихъ добрый Пастырь оставилъ 99 незаблудшихъ овецъ, душа каждаго изъ коихъ пріобрѣтена кровію Іисуса Христа, и онъ, пастырь, эти души мысленно возносилъ къ престолу Божію, къ единому Ходатаю, молился объ ихъ очищеніи и возрожденіи, молился съ дерзновеніемъ, ибо видѣлъ слезы покаянія. Какъ другъ жениховъ, онъ радовался за этихъ заблудшихъ овецъ, возвращающихся во дворъ овчій... Величественна, торжественна эта таинственная минута, ни съ чемъ земнымъ несравнимая. Небо примиряется съ землею, грѣшники съ Святѣйшимъ, Безначальнымъ Богомъ. Выше этой радости нѣтъ на землѣ, ей радуются и Ангелы. (Лук. 15, 10) „Кайтесь, кайтесь“, послышался снова призывъ; „всѣ-ли кастесь, всѣ-ли постараетесь

исправиться"? Всѣ заговорили въ народѣ. По лицу о. Іоанна катились слезы, онъ бралъ на себя бремя грѣховъ, умилялся Любви Божіей, скорбѣлъ за братію, а окружающіе его грѣшники, видя скорбь любимаго пастыря, еще болѣе сознали свой грѣхъ и разразились большими рыданіями и плачемъ... Такъ прошло минутъ 5—10. О. Іоаннъ отеръ слезы, перекрестился и, когда смолкло все, онъ, внимательно осмотрѣвъ толпу, громко сказалъ: „Слушайте... мнѣ, какъ всѣмъ священникамъ, Богъ даровалъ власть вязать и рѣшить грѣхи людей... Я прочитаю молитву разрѣшительную. Наклоните свои головы: я накрою васъ эпитрахилью, благословлю и вы получите отъ Господа прощеніе грѣховъ"... Головы тысячной толпы преклонились, и о. Іоаннъ благословляетъ и прощаетъ властію, ему данною, народъ, возлагая эпитрахиль на нѣкоторыхъ близъ стоящихъ.

Послѣ этого вынесли Святыя Тайны; громогласно за батюшкой прочитали молитву предъ причащеніемъ: „вѣрую Господи и исповѣдую". Очистившіяся покаяніемъ, примиренныя съ Господомъ души съ тихою радостью и благоговѣніемъ стали подходить къ Св. Чашѣ, причастились Тѣла и Крови Господнихъ и тѣмъ самымъ освятились, возродились, ожили для Христа. Я причастился въ числѣ первыхъ. Болѣе двухъ часовъ продолжалось причащеніе многочисленнаго народа. Отъ большого стеченія народа была сильная давка; немилосердно, до потери сознанія иныхъ придавливали къ рѣшеткѣ. Вышелъ съ потиромъ изъ ближайшаго придѣла еще священникъ, но народъ желалъ причаститься именно изъ рукъ батюшки о. Іоанна, къ нему шелъ. Послѣ благодарственной молитвы сіяющій радостью, укрѣпленный для житейской борьбы, народъ, приложившись ко Кресту, сталъ расходиться изъ Андреевскаго собора... Изъ собора мы поспѣшили въ фотографію; наше праздничное настроеніе послѣ духовной трапезы еще увеличилось отъ того, что батюшка о. Іоаннъ согласился сняться съ нами. Фотографія помѣщается въ 3-мъ или 4-мъ этажѣ на Господской улицѣ. Въ ожиданіи прибытія о. Іоанна мы разсматривали коллекцію его фотографическихъ снимковъ;—здѣсь отпечатлѣлись разныя выраженія его лица, разныя его душевныя настроенія, но всѣ карточки въ общемъ плохо изображаютъ живое лицо о. Іоанна. Мнѣ понравилось одно изображеніе его, гдѣ отпечатлѣлось его скорбное лицо.

О. Іоанна мы встрѣтили, какъ уже родного, близкаго, подхватили его подъ руки, и онъ, тогда уже шестидесятплѣтній, быстро взошелъ по лѣстницѣ, поздравилъ насъ съ принятіемъ Святыхъ Таинъ, былъ ласковъ, весело улыбался и въ фотографіи съ нами неутомимо разговаривалъ;—разспрашивалъ кто откуда, и ничего не хотѣлось утаить отъ него, хотѣлось высказаться. Онъ отечески ласково обращался съ нами, помню, меня похлопалъ по спинѣ, и мы жались и тѣснились подъ его ласку. Какъ хорошо было на душѣ у насъ, хотѣлось бы продлить эти минуты. Случайнаго ничего нѣтъ, и насъ удивило и бросилось въ глаза одно совпаденіе: 20-го мая весь день былъ пасмурный, дождливый, и фотографъ, утѣшая насъ говорилъ, что все равно можно снимать и въ пасмурную погоду. Но вотъ, когда вошелъ на верхъ о. Іоаннъ и фотографъ разсадилъ нашу группу, солнце какъ бы только ждало: оно ярко засіяло въ фотографіи. Кто то изъ насъ замѣтилъ: „гдѣ батюшка, тамъ и свѣтъ“. „Мой свѣтъ, отвѣтилъ кротко о. Іоаннъ, не мой, а Христовъ“. Помню хорошо, что съ утра все было пасмурно, и послѣ вечеромъ шелъ дождь, такъ что мы должны были скрываться отъ дождя. Пользуясь временемъ свиданія съ о. Іоанномъ, нѣкоторые изъ насъ здѣсь же въ фотографіи рѣшили вопросы своей жизни: одинъ изъ насъ, только что кончившій курсъ, бралъ благословеніе идти въ сельскіе священники. „Тамъ то въ селѣ и нужны особенно ученые священники“, сказалъ о. Іоаннъ, благословляя его. Другой изъ сидѣвшихъ принялъ благословеніе принять монашество и тутъ же взялся за четки. „Я не знаю лучшаго пути для молодыхъ людей, сказалъ о. Іоаннъ, какъ отдать всего себя на служеніе Церкви со всѣми своими еще не початыми, не тронутыми силами, если только избирается этотъ путь жизни по убѣжденію“. Пока мы снимались, о. Іоанну гостепріимные хозяева приготовили чай и просили его благословить трапезу; зашли и мы. О. Іоаннъ, наливъ себѣ рюмку вина, чокнулся съ нами, высказывая различныя благожеланія. Ни на минутку не отступали мы отъ него, завалили его карточками, прося подписаться, и восторгамъ нашимъ не было конца.

О. Іоаннъ взялъ со стола апельсинъ. „Многіе, замѣтилъ онъ, пристращиваются къ богатой трапезѣ, гордятся ей и ѣдятъ, какъ бы священнодѣйствуютъ, а надо смотрѣть на пищу свысока:

Наша группа въ 1893 году.

вкушая продуктъ природы, мы тѣмъ дѣлаемъ какъ бы ей честь. Что выше—человѣкъ или пища, и кто кому долженъ служить?“

Не могъ, однако, долго о. Іоаннъ быть съ нами: его ждали во многихъ мѣстахъ, и онъ спѣшилъ, обѣщая заѣхать къ намъ на квартиру; мы проводили его на быстромъ извозчикѣ, но и тутъ цѣплялись за него и бѣжали за нимъ, не отставая отъ извозчика.

Когда мы пришли въ свою квартиру, о. Іоаннъ былъ уже тамъ, и комнаты были уже переполнены народомъ. Онъ разбиралъ недоумѣнія какого то толстовца, читалъ его письмо, давалъ объясненія. На укоръ о. Іоанну въ томъ, что и онъ, идеальный пастырь, защищаетъ войну, о. Іоаннъ сказалъ: „я и теперь не откажусь отъ своихъ взглядовъ,—христіанство не отвергаетъ войны, войны будутъ до скончанія міра, и мы, русскіе, въ большинствѣ случаевъ ведемъ войну не наступательную, а оборонительную“. Говорилъ онъ потомъ по поводу письма о значеніи нашего православнаго Богослуженія, его воспитательности, красотѣ, святости и любви матери—Церкви. Въ храмѣ, говорилъ онъ, въ лицахъ и дѣйствіяхъ воспроизводится все домостроительство нашего спасенія; а церковныя пѣснопѣнія и молитвы есть дыханіе Духа Святого, бѣда лишь въ томъ, что они касаются только нашего слуха, а не внутренняго святилища души, потому и не попятны. Церковь для нашей вѣчно волнующейся жизни—тихая пристань. Христіанинъ безъ Церкви, какъ рыба безъ воды, Церковь его родная стихія—жизнь. Какъ они не понимаютъ духа Церкви! добавилъ онъ о святой Православной Церкви. Какое несмѣтное число она, какъ нѣжная мать, спасла въ своихъ нѣдрахъ. Видѣли вы, какъ и сегодня эта многочисленная толпа пришельцевъ по благодати Святаго Духа умиротворилась, получила облегченіе и укрѣпилась для борбы съ грѣхомъ: отказу здѣсь никому нѣтъ. Меня бодритъ и живитъ Богослуженіе и причащеніе Святыхъ Таинъ. Оно дастъ мнѣ силы для жизненнаго пути. Я совершаю литургію ежедневно, если только не нахожусь въ пути... О, если бы сектанты и невѣрующіе поняли высоту и красоту христіанскаго идеала и нашего Богослуженія, забыли бы они свои молитвенные дома и своихъ лже-пастырей, руководителей. Священнослужители въ Богослуженіи получаютъ силу и подкрѣп-

леніе для своего служенія. Пастырство—великая сила, и въ настоящее время. Жизнь не худа и теперь. Условія жизни одни и тѣже, и люди тѣже, что были раньше, только надо намъ трудиться и нести тотъ же подвигъ, какой несли перво—христіане. И въ далекомъ будущемъ жизнь нисколько не измѣнится. Труженики и дѣятели всегда возможны и всегда будутъ всѣми привѣтствуемы. Говорю опять, только нужно трудиться и работать надъ собой день и ночь. Царство Божіе на землѣ, внутрь насъ, а не гдѣ то тамъ, въ далекомъ пространствѣ солнца и созвѣздій и невѣдомыхъ островахъ". Нѣсколько минутъ послѣ чтенія письма и бесѣды по поводу его о. Іоаннъ еще пробылъ съ нами; онъ снова угощалъ насъ изъ приготовленной почитателями трапезы. На столѣ была одна рюмка. Онъ налилъ ее. „Господа, у насъ, сказалъ онъ, одна жизненная чаша". Отпивъ немного, онъ сталъ поочереди угощать насъ, подливая вино. Нѣкоторымъ давалъ отпивать раза два—три. „Кто изъ васъ всѣхъ блѣднѣе?" говорилъ онъ, отдавая отпить остатки, и каждому говорилъ что нибудь сердечное, ласковое, милое. Разрѣзалъ и роздалъ намъ бѣлый хлѣбъ. „Не уморите ихъ голодомъ", сдѣлалъ онъ наказъ нашей хозяйкѣ. Головы иныхъ исчезали въ его объятіяхъ, иныхъ онъ цѣловалъ въ лобъ, въ голову. Хорошо было тогда. Стали прощаться. Благословивъ еще разъ, о. Іоаннъ поспѣшилъ къ толпѣ, ждавшей его въ слѣдующей же комнатѣ. Поднялась давка и тѣснота: всѣ тѣснились къ нему, ловили руку для цѣлованія, хватались за рясу съ слезами и просьбами, раздался трескъ шкафа... Съ трудомъ о. Іоаннъ пробирался впередъ... у него что то разорвали. За воротами, которые были заперты, раздавались голоса другихъ, поджидавшихъ его. Началась обычная сцена, какая бываетъ въ народѣ, гдѣ находится о. Іоаннъ. Къ вечеру о. Іоаннъ уѣхалъ черезъ Петербургъ въ Москву. Послѣ трудового дня можно было бы и отдохнуть, но трудовый день для о. Іоанна только что начался.

На другой день утромъ я оставилъ своихъ товарищей спутниковъ и, черезъ Питеръ и Москву, направился къ берегамъ Волги, домой... Разбрелись по широкой Руси и всѣ паломники, напополнявшіе соборъ. Разошлись съ чувствомъ благодарности къ Богу за то, что были на общей исповѣди у о. Іоанна, причасти-

лись изъ его рукъ, видѣли „батюшку“. И долго, долго они будутъ помнить объ утѣшеніи, полученномъ въ Кронштадтѣ.

Да, много значитъ повидать подобную личность,—истиннаго послѣдователя Христова, хотя разъ. О Преподобномъ Антоніѣ Великомъ говорили современники: „кто, приходя къ нему печальнымъ, не возвращался веселымъ? Кто, приходя гнѣвнымъ, не перемѣнялъ гнѣва на кротость? Кто не умѣрялъ скорби сиротства при видѣ его? Какой монахъ, утомленный подвигами, не получалъ бодрость отъ его наставленій? Какой юноша, увидѣвъ святого Антонія и послушавъ его, не отрекался отъ утѣхъ, и не начиналъ любить цѣломудріе? Сколько дѣвъ, имѣющихъ женихов, издали только повидавъ его, перешли въ чинъ невѣстъ Христовыхъ? Когда скончался Антоній, какъ будто всѣ осиротѣли, лишились отца“... О преподобномъ Серафимѣ Саровскомъ тоже говорили: „всего болѣе усладительна была его бесѣда... Рѣчь его была столь дѣйственна, что слушатель получалъ отъ нея душевную пользу. Бесѣды его были исполнены духомъ смиренія, согрѣвали сердце, снимали съ очей какъ-бы нѣкоторую завѣсу, озаряли умы собесѣдниковъ свѣтомъ духовнаго собесѣдованія, приводили ихъ въ чувство раскаянія и возбуждали рѣшительную перемѣну къ лучшему, невольно покоряли себѣ волю и сердце другихъ, разливали миръ и тишину.... сила слова, осоленнаго благодатію, непремѣнно производила свое дѣйствіе... для всѣхъ довольно было живой воды, текущей изъ устъ прежняго молчальника, смиреннаго и убогаго старца... Всѣ ощущали его благопривѣтливую истинно родственную любовь и ея силу, и потоки слезъ иногда вырывались у такихъ людей, которые имѣли твердое и окаменѣлое сердце“... (Старчество, стр. 82, 83, 84).

Вотъ какъ благодать Христова дѣйствуетъ на доброй почвѣ вѣрующихъ! Личность духовнаго вождя народнаго не отразимо и словомъ, и своимъ живымъ примѣромъ дѣйствуетъ на воспріимчивую почву. По выраженію Святителя Тихона, монахъ, выйдя изъ келліи, возвращается другимъ. Въ благопріятномъ смыслѣ человѣкъ другимъ возвращается изъ Кронштадта: здѣсь при свѣтѣ Слова Божія и силою Духа Божія пастырь на исповѣди освѣщаетъ всю грѣховную жизнь и зоветъ властно къ другой, святой, безгрѣшной. Тутъ же дается у неистощимаго источника благодати прощеніе грѣховъ и радостное ощущеніе новой жизни...

Пророкъ Исаія, когда почувствовалъ, какъ Серафимъ коснулся горящимъ угломъ устъ его со словами: „се прикоснуся устнамъ твоимъ, и отъимется беззаконія твоя и грѣхи твоя очиститъ“, на призывъ Господа: „кого пошлю, и кто пойдетъ?“ безстрашно и дерзновенно воскликнулъ: „вотъ я, пошли меня“ (Исаія VI гл. 6—8).

Могуче овладѣваетъ сердцемъ народа и о. Іоаннъ, и народъ на его зовъ готовъ откликнуться: „вотъ мы“,—и готовы идти за нимъ, куда онъ, ихъ пастырь, ни повелъ бы. Много указывалось и въ печати примѣровъ, какъ побывавшіе въ Кронштадтѣ измѣняли совершенно свою прежнюю, грѣховную жизнь на дѣятельную, богоугодную. Живой примѣръ неотразимо, сильнѣе всякаго слова, дѣйствуетъ на людей. „Сближайся съ праведными, говоритъ Преп. Исаакъ, и чрезъ нихъ приблизишься къ Богу. Обращайся съ имѣющими смиреніе, и научишься ихъ правамъ. Ибо если воззрѣніе на таковыхъ полезно, то кольми паче ученіе устъ ихъ“. (Сл. 57). „Идущій по слѣдамъ святости,“ говоритъ св. Григорій Нисскій (5 т. 389 стр.), можетъ пріобщиться сей святости... Какъ отъ одной горящей лампады пламя передается и всѣмъ прочимъ свѣтильникамъ, которые прикасаются къ ней, и, не смотря на то, первый свѣтъ не уменьшается, хотя чрезъ сообщеніе въ равной мѣрѣ удѣляется и заимствующимъ свой свѣтъ отъ него, такъ и святость сей жизни преемственно распространяется отъ преуспѣвшаго въ оной на приближающихся къ нему, ибо истинно пророческое слово, что обращающійся съ преподобнымъ, неповиннымъ и избраннымъ и самъ дѣлается таковымъ.“ (Пс. 17, 26, 27).

Изъ насъ, девяти тогдашнихъ гостей о Іоанна, только двое остались въ свѣтскомъ званіи, а семь человѣкъ вышли на пастырское дѣланіе; изъ нихъ теперь—двое, о. М. и В. М., епископы, двое архимандритовъ на видномъ посту и трое священники. Хотя можетъ быть намъ суждены благіе порывы, а совершить ничего не дано, но мы вышли все таки на дѣланіе по зову пастыря о. Іоанна, съ его благословенія, побуждаемые его словомъ и примѣромъ.

Не говори, что дни былые
Свѣтлѣй и чище оттого,
Что тамъ Христосъ дѣла святыя
Творилъ—и видѣли впервые
Тамъ Жизнодавца своего...
Онъ здѣсь—Христосъ! Онъ между нами,

Онъ въ добромъ сердцѣ и очахъ,
Когда правдивыми устами
Ты убѣждаешь со слезами
О вѣчной правдѣ въ небесахъ.

ГЛАВА 2-я.

Вторая поѣздка въ 1895 году и третья въ 1902 г.

„Судьбы Твоя бездна многа“—Пс. 35, 7.

Кончая курсъ въ духовной семинаріи, я не могъ даже представить себя въ санѣ священника. У меня не лежало сердце къ нему отъ того-ли, что семинарская наука не дала мнѣ живого примѣра, или по тому, что я самъ не могъ еще разобраться въ себѣ. Я содрогался отъ мысли, что, если не поступлю въ академію, мнѣ придется вступить въ жизнь и занять какое нибудь мѣсто въ ней. Не ясно представлялось мнѣ будущее служеніе сначала и здѣсь—во время пребыванія въ академіи: рясу надѣвать не хотѣлось. Но съѣздилъ я въ Кронштадтъ, увидѣлъ, какъ достойный пастырь дѣйствуетъ среди нашей мятущейся жизни, и въ моихъ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ начался поворотъ на сторону священнаго сана; этому же способствовали пребываніе въ стѣнахъ лавры Преподобнаго, лекціи по пастырскому богословію, занятія и бесѣды съ товарищами.

Въ 1894 году къ окончанію курса, предъ смертью своего отца, я у него—умирающаго испрашиваю совѣта и благословенія на это званіе, т. е. на принятіе сана священника....

Дня за три предъ окончаніемъ выпускныхъ экзаменовъ въ 1895 году, снова неожиданно я надумалъ съ другими, подъ водительствомъ того же о. М., ѣхать въ Кронштадтъ принять благословеніе отъ о. Іоанна.

2 іюня въ Кронштадтъ насъ прибыло 9 человѣкъ, а наканунѣ опередило насъ человѣкъ 8 съ о. М.; всѣ мы остановились въ домѣ трудолюбія. Оказалось, что прежде прибывшихъ о. Іо-

аннъ въ этотъ день причащалъ и побесѣдовалъ съ ними часа полтора. Въ своей бесѣдѣ онъ между прочимъ сказалъ: *„совѣтую вамъ, друзья, принимать санъ священства: много хотя искушеній и скорби священнику въ служеніи, но много за то утѣшенія“*. Эти слова отвѣчали цѣли моего пріѣзда — принять благословеніе на служеніе священника. Назавтра, 3-го іюня (суббота), назначена была общая исповѣдь (она введена, должно быть, о. Іоанномъ въ 1887 или 1888 году). Утромъ мы чуть чуть къ шести часамъ поспѣли къ утрени. О. Іоаннъ нѣсколько опередилъ насъ. Съ вопросомъ: „вновь прибывшій, или старый“ (изъ прежде бывшихъ насъ было трое) о. Іоаннъ здоровался братски съ нами и любезно благодарилъ за пріѣздъ. Началась утреня. Канонъ, конечно, какъ и всегда, онъ читалъ самъ одушевленно, съ умиленіемъ. Я попрежнему стоялъ въ алтарѣ, и не хотѣлось мнѣ глазъ сводить съ о. Іоанна; такъ дороги для меня стали его черты, и такъ много въ нихъ одухотворенности! Онъ весь уходилъ снова въ молитву, снова бесѣдовалъ съ незримымъ міромъ, внутренній огонь ощущался и проявлялся въ его то умиленномъ, то скорбномъ взорѣ, то въ порывистыхъ движеніяхъ, въ самомъ чтеніи и возгласахъ и въ его пламенной молитвѣ, проявляемой молитвенными вздохами и внутренними слезами. И снова скажу: какъ легко молиться съ нимъ, окрыляетъ онъ молитву и другихъ молящихся...

Андреевскій соборъ былъ полонъ, т. е. было отъ 4 до 5 тысячъ человѣкъ. За проскомидіей приготовлено было три Агнца, въ три потира вылито было 7 бутылокъ вина. Началась литургія. О. Іоаннъ весь уходитъ въ молитву. *„Единородный Сыне“*... запѣли на клиросѣ, о. Іоаннъ порывисто беретъ съ престола крестъ, умиленно-восторженно шепчетъ молитву и при словахъ: „распныйся за ны“... нѣсколько разъ лобызаетъ крестъ. Онъ молится настойчиво, порывисто, не проситъ, а требуетъ, иногда склоняетъ свое чело на престолъ, какъ бы въ оцѣпенѣніи. Послѣ великого входа, во время косго, исходя изъ алтаря, о. Іоаннъ произноситъ: „Его-же изведоша вонъ изъ града и распяша“, онъ слѣдуетъ по стопамъ Спасителя въ Гефсиманію, на Голгофу и въ Сіонскую горницу, слѣдуетъ и припадаетъ къ Его ногамъ своею любо-

вію, скорбитъ съ Нимъ и молитъ за всю немощную братію. Чувствуется, что пастырь всѣмъ существомъ своимъ осязательно ощущаетъ присутствіе Его Самого, Агнца—Господа. Покаянная скорбь за грѣхи человѣка смѣняется послѣ освященія Святыхъ Даровъ любовью и радостью о жертвѣ. Скорбныя слезы пастыря борются и побѣждаются радостнымъ восторгомъ о побѣдѣ надъ грѣхомъ и смертію. И лице его просвѣтляется любовью, миромъ и спокойствіемъ. Нѣкоторыя выраженія онъ въ полголоса повторяетъ: „днесь Владыка твари и Господь славы на крестѣ пригвождается"... слышится, читаетъ онъ для усиленія религіознаго чувства, „вся терпитъ мене ради, мене ради осужденнаго"... Сказавъ возгласъ, онъ въ тотъ же почти тонъ продолжаетъ пѣснопѣніе клироса.... „Побѣдную пѣснь. . глаголюще: святъ, святъ, святъ Господь"... И молящіеся въ великіе моменты литургіи охватываются ужасомъ, ихъ душа касается страшной жертвы, душею своею они чувствуютъ всю важность происходящаго и переживаемаго пастыремъ и имп. Вѣдь ихъ сердце влагается въ эту молитву, объединяемую Главою—Предлежащимъ Агнцемъ. —„Во время *Тебѣ поемъ*", пишетъ о. Іоаннъ, „вся церковь, всѣ предстоящіе въ храмѣ должны молиться со священнодѣйствующими, чтобы Отецъ небесный ниспославъ Духа Своего Святаго на насъ и на предлежащіе Дары—и читать про себя молитву; Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа. Въ это время ни одна душа не должна оставаться хладною, но всякая душа должна быть воспламенена любовію къ Богу... ибо въ эту минуту совершается страшное животворящее таинство—претвореніе Духомъ Божіимъ хлѣба и вина въ Пречистое Тѣло и Кровь Христову, и на престолѣ является Богъ во плоти" (6 т. 84 стр) „Сѣмя Свято—стояніе міра. Вотъ это святое сѣмя, которымъ стоитъ міръ грѣшный, думаю я во время Литургіи, взирая на Пречистое Тѣло и Животворящую Кровь Христову. Вотъ кѣмъ я грѣшный еще стою и не палъ окончательно". (Христіанск. Фил. 149 стр)

Послѣ Литургіи общая исповѣдь. Впечатлѣніе отъ нея опять неописуемо. Содержаніе ея то-же, что и прежде, т. е. чтеніе и объясненіе покаянныхъ молитвъ, но значительно ко-

роче. Пастырь чувствуетъ, когда онъ своимъ словомъ смягчитъ грубое, нераскаянное сердце и когда можно допустить къ Святымъ Таинствамъ. Опять онъ огненнымъ словомъ жегъ сердца предстоящихъ, опять гулъ сокрушенія и раскаянія прерывалъ и отвѣчалъ на его слова, и онъ призывалъ къ тишинѣ. Особенно, конечно, неописуемъ важный моментъ общаго раскаянія, сокрушенія и рыданія предъ разрѣшительной молитвой. Душа распахнулась, и все затаенное на днѣ души всплыло наружу въ волнахъ слезнаго покаянія. Почувствовалъ каждый, какъ далекъ онъ отъ своего Первообраза, какъ онъ нечистъ и безобразенъ душою отъ множества прегрѣшеній, и какъ хорошо бы освободиться отъ этого бремени и ближе встать къ Нему—Святѣйшему Существу.

О насъ скорбитъ по любви Самъ Господь, насъ ради Распятый, и Его пастырь за насъ молится и проливаетъ слезы. Проститъ Онъ насъ, какъ блуднаго сына, мытаря, разбойника, блудницу... И раскрываются раны сердечныя—грѣхи вѣдѣнія и невѣдѣнія. И стоящій на виду у всѣхъ пастырь о. Іоаннъ, ходатай, объединяющій всѣхъ въ молитвѣ и принимающій какъ бы на себя грѣхи душъ сокрушенныхъ, самъ возноситъ за нихъ слезную молитву и умиленный взоръ туда, откуда исходитъ прощеніе грѣшникамъ, т. е. къ Престолу Любви и Правды Божіей.

Прочтена разрѣшительная молитва и дано отпущеніе грѣховъ; стали приступать къ Святому Причащенію... По причащеніи нѣкоторыхъ больныхъ на дому, о. Іоаннъ зашелъ въ нашъ номеръ. Благословивъ нашу трапезу, подписалъ карточки, высказывалъ особенное благожеланіе новымъ кандидатамъ, только что окончившимъ курсъ. Какъ и прежде юнцы—студенты радовались отеческой ласкѣ о. Іоанна. О чемъ говорили, спрашивали, не помню; помню только, что хорошо было сидѣть и бесѣдовать съ о. Іоанномъ. Закусивъ немного съ нами, о. Іоаннъ пригласилъ насъ назавтра къ духовной трапезѣ, т. е. еще причаститься и вскорѣ оставилъ насъ.

На другой день 4-го іюня служилъ онъ утреню и раннюю литургію въ придѣлѣ; мы снова были свидѣтелями молитвы о. Іоанна и онъ удостоилъ насъ причащенія Пречи-

стыхъ Таинъ во второй разъ*) Послѣ литургіи онъ по нашей просьбѣ отслужилъ намъ напутственный молебенъ. Часовъ въ одинадцать заѣхалъ въ ту же фотографію и снялся съ нами. Опять мы были въ сердечной теплой атмосферѣ въ присутствіи „батюшки“. Насъ снялось 16 человѣкъ; я имѣлъ счастіе и въ этой второй группѣ сѣсть рядомъ съ нимъ, хотя и ошую.

Когда провожали о. Іоанна, то на одной изъ площадокъ лѣстницы я попросилъ у о. Іоанна благословенія на принятіе сана священства. „Богъ благословитъ“ —сказалъ онъ, благославляя меня. Тутъ же на лѣстницѣ и еще кто-то изъ насъ испросилъ благословенія на тотъ же путь... Не имѣю свѣдѣній о всѣхъ лицахъ этой группы, но знаю есть и изъ нихъ принявшіе монашество и священство...

„И слава Богу! говоритъ о. Іоаннъ, пастыри нынѣ горячо взялись за свое святое дѣло пастырства, возбуждаемые и поощряемые своими архипастырями.. Нынѣ шаткое, мятежное, бурное время. Сектанты и раскольники усердно сѣютъ плевелы ложныхъ ученій въ народѣ, стараясь отторгнуть отъ церкви простодушный народъ, но благодать Божія сильнѣе вражьихъ козней, ибо: больше Тотъ, Который въ насъ, т. е. Господь, нежели тотъ, который въ мірѣ, т. е. духъ лѣсти и злобы (1-о Іоан. 4,—4), Господь положитъ вся враги своя подъ ногами Своими (1 Кор. 15, 25). А мы будемъ Ему усердными споспѣшниками, какъ говоритъ Апостолъ: Богу бо есмы споспѣшники“ (1 Кор. 3, 9). (Слово на 19-е октября 1899 года).

Прошло семь лѣтъ. За это время слухи объ о. Іоаннѣ и слава его росли. Въ 1894 году путешествіе его по Волгѣ было какъ бы тріумфальнымъ шествіемъ: въ томъ же 1894 году онъ побывалъ въ Крыму. Не разъ онъ бывалъ на родинѣ,—въ Сурѣ, Архангельской губерніи, бывалъ и въ Астрахани. Въ 1901 году о. Іоаннъ побывалъ въ Кіевѣ. Очеви-

---

*) У насъ частое причащеніе Св. Таинъ считается чуть ли не грѣхомъ. На вопросъ: сколько разъ можно причащаться въ году, —слышишь: разъ. Женщины и больные нѣкоторые спрашивали: можно ли причащаться, не дожидаясь срока шести недѣль? Кто положилъ этотъ срокъ? Можно причащаться всѣхъ каждый постъ, но съ должнымъ, конечно, приготовленіемъ, а больнымъ чаще.

Вторая группа въ 1895 году.

децъ—профессоръ С... вотъ какъ писалъ о пребываніи его въ Кіевѣ.—„Пріѣздъ о. Іоанна явился событіемъ для Кіева. Батюшку ждали на улицахъ тысячи народа всякаго званія и состоянія. Многіе провели даже ночь на улицѣ въ ожиданіи увидѣть дорогого батюшку. Одушевленіе было безпримѣрное. Это одушевленіе нельзя иначе охарактеризовать, какъ мольба, молитва, благоговѣніе, жажда видѣть его, получить его благословеніе. Не толпа искала его, а люди всякаго образованія и всѣхъ возрастовъ... Вы встрѣтите здѣсь различныя религіи, различныя національности. Всѣхъ приводитъ къ о. Іоанну одно и тоже чувство. Оно заставляетъ людей, пріѣхавшихъ въ каретѣ, выйти изъ экипажа и стать рядомъ съ обыкновеннымъ сѣрымъ человѣкомъ, оно поднимаетъ падшую женщину изъ грязи и дѣлаетъ ее человѣкомъ. Въ присутствіи о. Іоанна у самаго дурнаго одичалаго человѣка пробуждается совѣсть, и у всѣхъ испорченныхъ людей освѣжаются и оживаютъ лучшія идеальныя стороны ихъ характера. Въ теченіе многихъ лѣтъ о. Іоаннъ былъ посредникомъ въ подаяніи той или другой помощи. Но въ послѣдніе годы его значеніе возросло, расширилось и далеко вышло за первоначальный предѣлъ. „*Онъ для всѣхъ—батюшка*“—вотъ слова крестьянина, слышанныя мною. Онъ самый извѣстный и популярный человѣкъ въ Россіи... Не смотря на свои годы, онъ свѣжъ, бодръ, неутомимъ. На лицѣ и во всемъ внѣшнемъ видѣ его отпечатлѣны необыкновенная доброта, кротость и привѣтливость. И вполнѣ понятно стремленіе людей видѣть о. Іоанна, взглянуть на него. Въ этомъ стремленіи несомнѣнно сказывается потребность видѣть этого исключительнаго, истиннаго человѣка, видѣть и научаться. Онъ словомъ, дѣломъ, своею личностью воспитываетъ общество. Онъ живой носитель и проповѣдникъ идеаловъ, проводящій ежедневно 15—20 часовъ то въ храмѣ, то подъ открытымъ небомъ, то во многихъ собраніяхъ. Жизнь о. Іоанна глубоко интересна, поучительна и ждетъ еще изобразителя въ будущемъ, когда настанетъ его полная, крѣпкая слава. Тогда то во весь ростъ возстанетъ предъ людьми этотъ величавый отецъ народа, этотъ другъ и покровитель дѣтей, кормитель сирыхъ и бѣдныхъ, врачъ больныхъ, утѣшитель скор-

бящихъ, учитель заблуждающихся, этотъ настоящій пастырь Христовъ“ (Душеполезн. Чт. 1901 г. дек.).

За истекшій семилѣтній періодъ исполнено мое желаніе и намѣреніе о принятіи сана священства. Волѣ Божіей угодно было указать мнѣ мѣсто служенія въ дали отъ родины. Воля Божія, по словамъ святителя затворника Ѳеофана, складываетъ обстоятельства жизни такъ, что остается только какъ бы скатиться подъ гору; такъ и меня обстоятельства и сердце повлекли въ даль невѣдомую. Изъ новаго мѣста своего служенія мысль моя часто уносилась въ Кронштадтъ. Много разъ приходилось писать мнѣ къ о. Іоанну въ Кронштадтъ, просить его молитвы за болящихъ и недугующихъ. Получалъ я иногда и извѣщенія отъ Ш., что о. Іоаннъ въ то или другое время молился. У меня какъ неопытнаго пастыря поднимались недоумѣнія, и я обращался съ ними къ о. Іоанну. Удостоилъ онъ меня разъ отвѣтнымъ письмомъ отъ 28 марта 1901 года... Обрадовалъ несказанно, приславъ въ 1900 году полное собраніе своихъ сочиненій съ подписью на „братскую память“. Въ его дневникѣ нашелъ я разрѣшеніе многихъ и многихъ недоумѣнныхъ вопросовъ пастырской дѣятельности. Но драгоцѣннѣе для меня и выше другого подарка не могло быть, какъ полученная отъ него въ день новаго—1901 года эпитрахиль, имъ ношенная, драгоцѣнная, и для меня, конечно, безцѣнная. Лѣтомъ 1902 года у меня снова явилась мысль побывать у „батюшки“. Пишу въ Кронштадтъ. 16 августа, вечеромъ получаю телеграмму: „дорогой батюшка радъ васъ видѣть въ Кронштадтѣ—добро пожаловать. И. Ш“. Пятаго сентября я снова увидѣлъ о. Іоанна предъ утреней въ томъ же алтарѣ Андреевскаго собора, вмѣстѣ съ другими поздоровался съ нимъ. Постарѣлъ онъ за послѣдніе семь лѣтъ, но по прежнему бодрый и быстрый въ движеніяхъ.

Литургію служитъ онъ уѣхалъ въ Петербургъ на какое то подворье. На другой день 6-го сентября назначена была общая исповѣдь. Утреня состояла изъ чтенія и пѣнія канона; читалъ о. Іоаннъ, сказавъ предварительно громко: „покаянный канонъ“! Во время пѣнія великаго славословія мы—священно-служители, большею частью пріѣзжіе священники, прочитали входную молитву. Кромѣ о. Іоанна насъ было двѣ-

надцать человѣкъ. Всѣ пріѣзжіе священнослужители пропускаются въ алтарь и всегда могутъ сослужить о. Іоанну; много ихъ бываетъ особенно за послѣднее время. Въ первый разъ я видѣлъ о. Іоанна въ митрѣ. Хорошо она идетъ къ нему. Самъ онъ вынулъ четыре Агнца, въ четыре большихъ потира влито было до пятнадцати бутылокъ вина... Давъ благословеніе діакону начать Литургію, о. Іоаннъ намъ—уже облачившимся и стоящимъ около престола, сказалъ предъ первымъ возгласомъ: „благословите, отцы святіи, совершить міроспасительную Божественную Литургію".

И я сослужилъ о. Іоанну у престола Божія, и снова я видѣлъ и чувствовалъ, какъ велика скорбь и любовь пастыря, какъ всеобъемлюща горяча и дерзновенна его молитва предъ Верховнымъ Первосвященникомъ, Который приходитъ заклатися и датися въ снѣдь вырнымъ. „*Пріимите ядите сіе* (показывая на всѣ 4 агнца) *есть Тѣло Мое... сія есть Кровь Моя*"... произноситъ онъ, въ полуоборотъ стоя къ престолу и народу. И сейчасъ какъ бы представляется мнѣ воодушевленное лице его, голосъ непоколебимой вѣры и самый жестъ его. На общей исповѣди о. Іоаннъ сказалъ и сталъ объяснять текстъ писанія: „что есть человѣкъ яко помниши его" (Евр. 2, 6). Онъ говорилъ о величіи человѣка сравнительно съ другими бездушными тварями, такъ какъ человѣкъ одинъ созданъ по образу и подобію Божію. Но человѣкъ согрѣшилъ, прогнѣвалъ Бога, отпалъ отъ Бога, преступивъ заповѣдь. Господь для спасенія человѣка сошелъ на землю, пострадалъ за человѣка, пролилъ кровь. Но мы купленные и искупленные, помнимъ ли свое званіе? Нѣтъ мы своими грѣхами снова и снова гнѣвимъ Бога... Есть средство намъ приблизиться къ Богу—очиститься, покаяться... Это слово такъ и осталось какъ бы не конченнымъ: поднялся народный гулъ, и о. Іоаннъ оставилъ слово и ушелъ въ алтарь .. Покаянную молитву и предъ причащеніемъ громогласно и съ чувствомъ прочиталъ о. Ключарь, и она вызвала слезы и вопли особенно при упоминаніи грѣховъ: „кій грѣхъ не сотворихъ; кое зло не вообразихъ въ души моей; уже бо дѣлы содѣяхъ; блудъ, прелюбодѣйство, гордость, киченіе, укореніе, хулу, празднословіе, смѣхъ, піянство, гортанобѣсіе, объяденіе, ненависть, зависть, сребролю-

біе, любостяжаніе, лихоимство, самолюбіе, славолюбіе, хищеніе, неправду, злоприобрѣтеніе, оклеветаніе, беззаконіе".

О. Іоаннъ былъ въ придѣлѣ, молился, укрѣпленный молитвою снова вышелъ, прочиталъ псаломъ X-й. „Блаженни, коимъ оставленны беззакоція и отпущены грѣхи... я сказалъ: раскрою мое беззаконіе Господу, и Ты оставилъ нечестіе сердца моего... Радость моя, избавь меня отъ обыпедшихъ меня. Не будьте какъ конь и лошакъ, котораго силою узды заставляютъ идти... Сами добровольно приближайтесь къ Господу". Въ объясненіе этихъ стиховъ о. Іоаннъ говорилъ о счастливомъ состояніи людей безгрѣшныхъ, о значеніи таинства исповѣди, гдѣ прощаются Господомъ грѣхи и беззаконія наши. Къ открытію грѣховъ—къ исповѣди онъ и призывалъ предстоящихъ. Послѣ словъ его: „кайтесь, кайтесь" поднялся общій покаянный вопль; затѣмъ было общее разрѣшеніе, и я съ чувствомъ сокрушенія подклонилъ голову подъ эпитрахиль, которую батюшка перелагалъ съ одной головы на другую близъ стоявшихъ. Литургія кончилась часамъ къ десяти;—болѣе двухъ часовъ причащалъ народную толпу о. Іоаннъ. Уставать сталъ онъ болѣе. Въ то время какъ святой потиръ наполняли святыми дарами или перемѣняли, онъ укрѣплялся молитвою, подойдетъ къ престолу, станетъ на колѣняхъ, преклонивъ голову на престолъ, и такъ молится нѣсколько времени. Давка была сильная. Приносили для причащенія на рукахъ колѣкъ и разныхъ больныхъ Ихъ внѣ очереди пропускали или переносили за первую деревянную рѣшетку къ амвону и подводили ко св. Чашѣ. Лица у иныхъ были исхудалыя, блѣдныя, изнуренныя скорбью и болѣзнью, но и въ ихъ умиленныхъ взорахъ святилась вѣра въ животворность Св. Тайнъ и загорался лучъ надежды на облегченіе.

Послѣ Литургіи зашелъ о. Іоаннъ и ко мнѣ въ номеръ. Не много, не долго онъ говорилъ со мною. Еще дорогою я, чтобы не забыть о чемъ спросить, кое что записалъ на листочкѣ бумаги, но въ данное время большая часть изъ этихъ вопросовъ показалась лишними. Главное то состояло въ томъ, чтобы повидать о. Іоанна и поблагодарить его за молитву... Въ тотъ же день побывалъ я съ визитомъ у П. О. Я., человѣка близкаго къ о. Іоанну. Онъ благоговѣетъ предъ батюш-

кой. Предметомъ разговора былъ конечно о. Іоаннъ. Много, говорилъ между прочимъ П. О., пришлось о. Іоанну потерпѣть оскорбленій и насмѣшекъ отъ лицъ окружавшихъ его; низшимъ членамъ причта и то онъ кланялся, прося прощенія. Много должно быть повліяла на о. Іоанна серьезная опасная болѣзнь: онъ семь недѣль тяжко болѣлъ и не думали, что онъ встанетъ. Послѣ болѣзни онъ съ большею ревностью сталъ служить подиявшему его съ одра болѣзни Господу. Когда, изнуренный болѣзнью, онъ пришелъ въ первый разъ въ соборъ, то пригласилъ всѣхъ къ молитвѣ: „братіе и сестры, помолимся вмѣстѣ со мною Господу“... При служеніи этого молебна было одно знаменательное видѣніе одной женщинѣ, о чемъ она повѣдала о. Іоанну и что знаютъ многіе сопричастные и близкіе лица. Это видѣніе изображено было потомъ художникомъ на картинѣ.

Приходилъ какъ-то сюда, разсказывалъ П. О., какой то босоногій, убогій странникъ; разговаривая съ другими вдругъ онъ среди разговора поднялся и поспѣшно, какъ бы на какой зовъ, пошелъ; пошелъ прямо на встрѣчу о. Іоанну. Они встрѣтились, какъ будто лица родныя и давно знакомые другъ другу, хотя раньше и не встрѣчались. Этому страннику о. Іоаннъ сказалъ: *„Господь открылъ мнѣ сердца людей и далъ книгу скорби“*.

На слѣдующій день я испросилъ у батюшки позволеніе служить съ нимъ Литургію въ Петербургѣ, куда онъ хотѣлъ отправиться. Заранѣе забрался я на пароходъ—„Любезный“, который возитъ его въ Петербургъ.

Пароходъ очень маленькій, насъ со служащими парохода было человѣкъ десять. Утро было прохладное и вѣтеръ сильный и холодный, качка на пароходѣ сильная. Одна боязливая дама страшно боялась качки и волнъ набѣгавшихъ, но я чувствовалъ, какъ бы задоръ: мой духъ поднимала мысль, что плыву съ вѣрнымъ ученикомъ Христа, Того Христа, Который укрощалъ словомъ бурю и обѣщалъ пребывать съ учениками. О. Іоаннъ почти все время былъ наверху: холодъ онъ любитъ; лишь на 10—15 минутъ онъ спустился въ каюту, чтобы отдохнуть. Въ домовой церкви 1-го Реальнаго училища, гдѣ служилъ о. Іоаннъ, народу было немного, такъ что служеніе

здѣсь для него было какъ бы отдыхомъ... И причастники были. Поученіе о. Іоанна говорилъ на дневное Апостольское чтеніе: „тако насъ да почитуетъ человѣкъ, яко слугъ Христовыхъ и строителей таинъ Божіихъ“ (1 кор. 4, 1). Въ объясненіе онъ говорилъ о великомъ значеніи пастырскаго званія и служенія. Говорилъ о томъ, что пасомые должны почитать своихъ пастырей, особенно трудящихся въ словѣ, если даже они и не достойны. Благодать подается и чрезъ недостойныхъ пастырей. Если же пастыри нерадиво несутъ свое служеніе, то они вѣдь сами за это несутъ наказаніе; наказаніемъ для нихъ служитъ и самая худая молва о нихъ...

И восьмого сентября на праздникъ Рождества Богородицы раннюю Литургію я сослужилъ о. Іоанну въ придѣлѣ Преображенія Господня.

Удалось мнѣ и еще видѣть о. Іоанна и поговорить съ нимъ. Послѣ Литургіи онъ пріѣхалъ служить молебенъ и причастить больного въ ту же самую фотографію III, гдѣ мы снимались и встрѣчались раньше. Я встрѣтилъ о. Іоанна на лѣстницѣ и напомнилъ ему съ благодарностью, что здѣсь на этой лѣстницѣ принялъ у него благословеніе на принятіе сана священства. „Надо благодарить Бога, а не меня“, сказалъ онъ мнѣ.

Истинно—родственная, любвеобильная душа о. Іоанна, привѣтливая ласка въ бесѣдѣ и во всемъ обращеніи охватили меня. Я пришелъ въ рѣдкостно—восторженное состояніе, я какъ бы весь растаялъ. Казалось, что нѣтъ человѣка болѣе близкаго мнѣ, какъ онъ; ему открыта моя душа, и я въ настоящую минуту, согрѣтый его любовью, отъ полноты восторга готовъ былъ на какой угодно подвигъ, готовъ былъ обнять и другихъ своею любовью. Рѣдкая, свѣтлая восторженная минута въ моей жизни!

„Наставникъ! хорошо намъ здѣсь быть; сдѣлаемъ три кущи“... говорилъ когда то, „невѣдый, еже глаголаше“ (Лук. 6, 33) Апостолъ Петръ, ощутивъ радость Ѳаворскаго сіянія; —и для меня радость отъ ощущенія любвеобильной души и близости уважаемаго пастыря была необыкновенная, чрезвычайная и желалъ бы я долѣе находиться въ подобномъ сообществѣ: добро здѣсь быти... Приведенъ былъ мною сюда неожиданно встрѣ-

ченный въ соборѣ товарищъ по академіи М. В. Г.; онъ явился къ о. Іоанну взять благословеніе на принятіе священства безъ вступленія въ бракъ, и это благословеніе имъ было здѣсь получено. Проводили батюшку—онъ поѣхалъ на свое неутомимое дѣланіе до вечера, или даже до глубокой ночи. Въ 12 часовъ я былъ на пристани и пароходѣ. 27 сентября я прибылъ въ свой городъ и стучался въ дверь своего дома.

Приведетъ ли Господь еще видѣть батюшку о. Іоанна? Ему теперь 74 года, приближается 50-ти лѣтній юбилей его священнослуженія—12 декабря 1905 г. Да приложитъ ему Господь дни на дни для блага Россіи.

И такъ три раза волна жизни уносила меня на островъ Котлинъ, и три раза я побывалъ у о. Іоанна. Всѣ три поѣздки состоялись для меня совершенно какъ то неожиданно. Въ первый разъ я былъ въ Кронштадтѣ, какъ гость и съ тревожнымъ вопросомъ: куда идти, куда стремиться, гдѣ силы юныя пытать? Во второй разъ я, уже избравъ путь жизни, просилъ отъ пастыря благословенія на путь пастырскій; а въ третій разъ я сослужилъ ему, предстоялъ вмѣстѣ съ нимъ у престола Божія. Такъ жизненный путь былъ избранъ, и я началъ идти по нему. Уяснилась мнѣ задача моей жизни, знаю, что требуетъ отъ меня служеніе пастыря, которое такъ высоко рисуется о. Іоанномъ въ дневникѣ, имъ самимъ высоко поставлено и осуществлено въ его жизни.

„Не вы Меня избрасте, а я васъ избралъ“ (Іоан. 15, 16), —сказалъ Пастыреначальникъ Господь. Какъ пророкъ Іона и я, можетъ быть, бѣжалъ бы въ Фарсисъ отъ лица Господня,—но Господь меня—немощнаго призвалъ чрезъ достойнаго пастыря на тотъ самый путь, коимъ онъ идетъ, на то же великое пастырское служеніе. Цѣлую всеблагую Десницу Божію...

„Петръ! когда ты былъ юнъ, то препоясывался самъ и ходилъ, куда хотѣлъ, а когда состарѣешься, то другой препояшетъ тебя и поведетъ, куда не хочешь“. (Іоанна гл. 21, ст. 18). Отдаюсь и я на святую волю Божію, которая приводила меня въ Кронштадтъ и указала жизненный путь. Да будетъ воля Твоя,—якоже хощеши устрой о мнѣ вещь...

Какъ прежде, я иду къ невѣдомой странѣ,
Разсѣялся туманъ, и ясно видитъ око,
Какъ труденъ горній путь и какъ еще далеко,
Далеко все, что грезилося мнѣ.
И до полуночи неробкими шагами
Все буду я идти къ желаннымъ берегамъ,
Туда, гдѣ на горѣ, подъ новыми звѣздами,
Весь пламенѣющій побѣдными огнями
Меня дождется мой завѣтный храмъ. (*В. С. Соловьевъ.*)

ГЛАВА 3-я.

Общій взглядъ на служеніе о. Іоанна. Скорби пастыря, его утѣшенія и награда.

„Печаль ваша въ радость будетъ“ (Іоан. 16, 20).

Извѣстный почившій святитель, Вышенскій затворникъ, епископъ Ѳеофанъ въ своей перепискѣ съ о. Іоанномъ и письмахъ къ другимъ лицамъ преклоняется предъ ревностью и подвигомъ о. Іоанна. Сознавая всю трудность борьбы съ собою — ветхимъ человѣкомъ — даже въ затворѣ, святитель дивится, какъ этотъ пастырь могъ подняться на высоту своего званія среди міра съ его житейскими соблазнами и попеченіями. И дѣйствительно нельзя не удивляться, какъ о. Іоаннъ безъ видимыхъ руководителей проложилъ свой путь и своею жизнью и дѣятельностью сумѣлъ повліять и вліяетъ на направленіе духа народнаго. Иноки, отшельники, разнаго рода подвижники научались великой и трудной наукѣ совершенства у старцевъ — людей опытныхъ на этомъ пути и въ уединеніи подвизались въ борьбѣ съ ветхимъ человѣкомъ, а о. Іоаннъ не имѣлъ руководителей, не уходилъ отъ міра и стоитъ одиноко... И самъ о. Іоаннъ указываетъ на трудности борьбы съ самимъ собою въ мірѣ, среди житейскихъ соблазновъ. — „Трудно, говоритъ онъ, достигать духовнаго совершенства, живя въ мірѣ, среди житейскихъ соблазновъ всякаго рода, ибо трудно отрѣшиться отъ всего того, что льститъ зрѣнію, вкусу, осязанію, вообще чувствамъ многострастной плоти, сильно воюетъ міродержитель тьмы вѣка сего чрезъ чувства плотскія... не допуская насъ всегда уязвляться сладчайшею нетлѣнною любовію къ безсмертному Жениху душъ нашихъ — Христу Богу! Сто кратъ блаженны, часто думалъ я, пустынники, уда-

лявшіеся ради неразвлекаемаго служенія Богу и спасенія души въ пустыни, чуждыя соблазновъ міра. Но надо, опять думалъ я, подвизаться и въ мірѣ, живя среди людей и сохранять себя нескверными отъ міра“ (Іак. I, 27; рѣчь въ день сорокалѣтней годовщины священства). „Надо подвизаться въ мірѣ“—и о. Іоаннъ вышелъ на подвигъ и идетъ имъ доселѣ. Но „если приступаешь работать Господу Богу, уготовь душу твою во искушеніе“ (Сир. 2, I). Кто хочетъ идти за Христомъ, долженъ отвергнуться себя и взять крестъ свой (Мато. 16, 24). Самоотверженіе, скорби и искушенія—общій удѣлъ всѣхъ подвижниковъ Христовыхъ. „Болѣе обыкновенный, говоритъ о. Іоаннъ, для насъ грѣшныхъ, удаляющихся отъ Бога на страну далече, путь къ Богу есть путь злострадашія и горькихъ слезъ. И святое писаніе и опытъ удостовѣряютъ, что для приближенія къ Богу надо пострадать грѣшнику, слезить и плакаться и исправить двоедушное сердце свое. „Приближитеся, постражднте и слезите и плачитеся“. (Іак. 4, 8, 9;—4 т. 34 стр.). Начинается и у него упорная борьба съ ветхимъ грѣховнымъ человѣкомъ, борьба трудная особенно на первыхъ порахъ. „Наука наукъ — побѣждать грѣхъ въ насъ живущій, или дѣйствующія въ насъ страсти“ (5 т. 180).

„Рукоположенный во священники и пастыря, говоритъ онъ самъ о себѣ, я вскорѣ на опытѣ познался, съ кѣмъ я вступаю въ борьбу на моемъ духовномъ поприщѣ, именно съ сильнымъ, недремлющимъ и дышущимъ злобою и погибелью и адскимъ огнемъ геены княземъ міра сего и съ духами злобы поднебесными, какъ говоритъ Апостолъ: „наша брань не противъ плоти и крови, но противъ началствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ „(Ефес. 6, 12); начались искушенія, обнаружились пакости вражіи, немощи, уязвленія, преткновенія; враги, какъ разбойники, стали преслѣдовать меня въ духовномъ шествіи моемъ и въ служеніи Богу моему. Эта борьба съ сильнымъ и хитрымъ невидимымъ врагомъ воочію показала мнѣ, какъ много во мнѣ немощей, слабостей и грѣховныхъ страстей, какъ много имѣетъ во мнѣ князь вѣка сего и какъ я много долженъ бороться съ собою, съ своими грѣховными наклонностями и привычками и побѣдить ихъ, чтобы быть по

возможности неуязвимымъ отъ стрѣлъ вражіихъ. Началась духовная брань, самонаблюденіе, изощреніе духовнаго зрѣнія, обученіе себя непрестанной молитвѣ и призыванію всеспасительнаго имени Христова; какъ псалмопѣвецъ царь—пророкъ Давидъ, я постоянно сталъ возводить сердечныя очи на небо, откуда приходила ко мнѣ явная, скорая, державная помощь (Псал. 120, 1—3), и враги мои сильные обращались въ бѣгство, а я получалъ свободу и міръ душевный... Доселѣ во мнѣ продолжается эта брань: и долгое время духовной брани научило меня многому и особенно опытному познанію: всѣхъ тонкостей духовной брани... всѣхъ безчисленныхъ козней невидимыхъ враговъ... я позналъ всегдашнюю ко мнѣ близость Господа, Его безмѣрную благость, скоропослушливость, Его безконечную правду и милость, безконечную святость Его существа, для которой противенъ и гнусенъ и одинъ помыселъ неправедный" (Притч. 15, 26;—сл. на 45 лѣт. свящ.).

Насколько онъ былъ внимателенъ къ исполненію заповѣди церковной, хотя бы напримѣръ о постѣ, можно видѣть изъ того, что, изнуренный болѣзнью, онъ не соглашался безъ разрѣшенія матери принять въ постъ болѣе питательную скоромную пищу. „Да вѣдь вы умрете"!—говорили ему врачи. „Воля Божія. Неужели вы думаете, отвѣчалъ спокойно онъ врачамъ, что я промѣняю жизнь на благословеніе матери, на заповѣдь Господа: „чти отца твоего и матерь твою" (Жизнеопис. Животова стр. 27). Для насъ эта заповѣдь можетъ казаться маловажною, а онъ точно исполняетъ и другимъ совѣтуетъ: „начинай исполнять заповѣди, касающіяся малаго и ты исполнишь заповѣди, касающіяся великаго: малое вездѣ ведетъ къ великому. Начни исполнять хотя заповѣдь о постѣ въ среды и пятницы, или десятую заповѣдь, касающуюся худыхъ помысловъ и желаній, ты исполнишь всѣ заповѣди; а невѣрный въ малѣ и во многѣ невѣренъ есть" (т. 4 стр. 49).

Кромѣ подвига въ борьбѣ съ грѣхомъ и плотскимъ ветхимъ человѣкомъ на рамена пастыря ложится и другое бремя—попеченіе и скорбь за словесныя овцы, за души ввѣренныя ему. Эту скорбь Апостолъ Павелъ называетъ муками духовнаго рожденія, коими онъ мучился, „доколѣ не изобразится Христосъ въ духовныхъ чадахъ". (Гал. 4, 19).

„Рабъ не больше господина своего. Если Меня гнали, будутъ гнать и васъ, если Мое слово соблюдали, будутъ соблюдать и ваше“ (Іоан. 15, 20).

„Дошло до моего сердечнаго слуха, говоритъ о. Іоаннъ въ своей первой вступительной рѣчи въ Кронштадскомъ Андреевскомъ соборѣ въ 1855 году, дошло слово Господа: „паси овцы Моя“, повелѣвающее мнѣ пасти васъ, словесныхъ овецъ его. ...

Сознаю высоту сана и соединенныхъ съ нимъ обязанностей: чувствую свою немощь и недостоинство къ прохожденію высочайшаго на землѣ служенія священническаго, но уповаю на благодать и милость Божію, немощная врачующую и оскудѣвающая восполняющую. Знаю, что можетъ сдѣлать меня болѣе или менѣе достойнымъ проходить это званіе. Эта любовь ко Христу и вамъ, возлюбленные братія мои. Потому то и Господь, возстановляя отрекшагося ученика въ званіи апостола, трекратно спросилъ его: любишь-ли Мя, и послѣ каждаго отвѣта его: люблю Тя, повторялъ ему: паси овцы Моя, паси агницы Моя (Іоан. 21, 15—17).

Да дастъ и мнѣ любвеобильный ко всѣмъ Господь искру этой любви, да воспламенитъ ее во мнѣ Духомъ Своимъ Святымъ“...

Съ сознаніемъ высокаго сана священника, какъ сана Христова („Онъ самъ въ насъ и чрезъ насъ священнодѣйствуетъ“), съ полнымъ упованіемъ на благодать Божію („если будемъ ея достойны“), съ желаніемъ быть истиннымъ пастыремъ,— проникнуться духомъ евангельской любви при сознаніи своей немощи—выступилъ пастырь на свое дѣланіе.

„*Я стараюсь*, говорилъ онъ и послѣ 45 лѣтъ священнослуженія, *быть искреннимъ пастыремъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ,—въ жизни.* Поэтому я строго слѣжу за собою за своимъ душевнымъ міромъ, за своимъ внутреннимъ дѣланіемъ. Я даже веду дневникъ, гдѣ записываю свои уклоненія отъ исполненія закона Божія, повѣряю себя и стараюсь исправляться. Я цѣлый день въ дѣлахъ, съ утра и до поздней ночи... Меня осаждаютъ каждый день просьбами, такъ что иногда мнѣ тяжело, и не хочется, но я дѣлаю, стараюсь удовлетворять всѣхъ просителей. Гдѣ бы я ни былъ и

особенно у себя въ Кронштадтѣ, я каждодневно самъ служу Литургію. И я служу искренно, сердечно; усердно и благоговѣйно приношу святую безкровную жертву Богу о грѣхахъ своихъ и всѣхъ православныхъ христіанъ... За каждой воскресной Литургіей, вообще когда нужно, я проповѣдую живое слово Божіе. Въ моихъ поученіяхъ изображается моя внутренняя жизнь, моя душа; я безпощадно караю грѣхи, пороки и страсти человѣческія, обличаю заблужденія сектантовъ и раскольниковъ... (Рѣчь Нижегородск. пастырямъ въ 1901 году).

Отъ начала и до конца путь искренняго—истиннаго пастыря есть путь самоотверженія. Въ чемъ бы, въ какихъ мелочахъ не проявлялось это самоотверженіе, въ немъ есть и должна быть доля готовности на смерть. Объ этой готовности на смерть говоритъ Апостолъ: „всегда мертвость Господа въ тѣлѣ носимъ; (12 Кор. 4, 10) за Тебя умерщвляютъ насъ всякій день (1 Кор. 15, 31); вмѣнихомся, яко овцы заколенія (Рим. 8, 36, Пс. 43, 23).

Добрый пастырь, говоритъ святой Іоаннъ Златоустъ, каковъ онъ долженъ быть по заповѣди Христовой, подвизается не менѣе тысячи мучениковъ. Мученикъ однажды умеръ за Христа, а пастырь, если онъ таковъ, какимъ онъ быть долженъ, тысячекратно умираетъ за стадо (Толк. Рим. 670 на Дѣян. ч. 2 стр. 257).

Но пастырская готовность и любовь до положенія души и жизни зрѣетъ въ душѣ постепенно и созрѣваетъ послѣ продолжительной и рѣшительной борьбы съ собою, послѣ подвиговъ до крови. „Даждь кровь и пріими духъ“. (См. нашу кн. „Старчество по уч. свв. отц и аскетовъ“).

Рѣшимость поднять на рамена крестъ не сразу явилась и у Подвигоположника Іисуса Христа, хотя Онъ во всѣ дни жизни Своей видѣлъ смерть предъ Собою и готовился къ закланію.

Въ саду Геосиманскомъ Онъ изнемогалъ въ молитвѣ, борѣніи до кроваваго пота. „Отче Мой, вопіялъ Онъ, пусть минуетъ Меня чаша сія, впрочемъ не какъ Я хочу, а какъ хочешь Ты“.... Два чувства боролись въ святѣйшей душѣ Богочеловѣка: страхъ и любовь. Страхъ предстоящихъ мученій за

Российская
Государственная
библиотека

грѣхи міра заставляетъ его содрагаться—взывать къ Отцу: „Отче, пусть минуетъ Меня чаша сія“. Но любовь къ человѣку жаждетъ этой чаши страданій, простираетъ руку къ чашѣ и говоритъ; „Отче Мой... буди воля Твоя“ (Матѳ. 26, 39). Силенъ страхъ, крѣпка любовь, и эти два чувства борятся въ Немъ и обливаютъ Его кровію (Св. Дмитрій Рост. —Сборн. Четвероев. М. Барсова 2 т. 535 стр.)

Когда Господь—Страдалецъ окончательно побѣдилъ въ себѣ ужасъ смерти и креста, то высказалъ свою готовность рѣшительными словами: „идемъ, се приближися предаяй Мя“ (Матѳ. 26, 46).

„Кто говоритъ, что пребываетъ въ Немъ, тотъ долженъ поступать такъ, какъ Онъ поступалъ“ (1-е Іоан. 2 гл. 6). И Святитель Николай Чудотворецъ послѣ уготовленія себя къ подвигамъ до смерти услышалъ: „выйди на всенародный подвигъ, если хочешь получить вѣнецъ“.

Избитый и изувѣченный въ пустынѣ своей тремя крестьянами—разбойниками и чудесно исцѣленный Богоматерію, вторичнымъ нашествіемъ въ пустыню Преподобный о. Серафимъ Саровскій показалъ, что онъ ни во что вмѣняетъ вражеское нападеніе, не страшится ранъ и готовъ страдать до смерти за имя Христово. Стремленіе къ Христоподражательному пастырскому подвигу явилось у о. Іоанна рано. Еще о времени своего пребыванія въ духовной Академіи, которой, къ слову сказать, онъ приписываетъ благотворное вліяніе на него, онъ говоритъ: „особенно плѣнилъ мой умъ и сердце премудрый, дивный планъ спасенія погибающаго рода человѣческаго чрезъ Божественнаго Агнца Божія Іисуса Христа, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1,29). Я почувствовалъ особенное влеченіе къ званію священника и сталъ молить Господа, чтобы Онъ сподобилъ меня благодати священства и пастырства словесныхъ овецъ Его. Размышляя о чудномъ, любвеобильномъ домостроительствѣ Божіемъ въ спасеніи рода человѣческаго, я проливалъ обильныя и горячія слезы, сгорая желаніемъ содѣйствовать спасенію погибающаго человѣчества. И Господь исполнилъ мое желаніе“ (Сл. 19-го окт. 1899 года).

Но когда у о. Іоанна на дѣлѣ созрѣла рѣшимость слу-

женія до положенія души ради Господа, когда онъ сказалъ: „готово сердце мое... иду“... это опредѣлить трудно, и мы не беремся. Самъ пастырь не считаетъ нужнымъ о томъ говорить. Можетъ быть эта готовность подвига до смерти въ слѣдованіи Христу особенно созрѣла въ немъ во время продолжительной болѣзни и онъ призывомъ: „братія и сестры, помолимся вмѣстѣ со мной“.—началъ самоотверженное служеніе души, и тогда то „Господь далъ ему книгу скорби и открылъ сердца людей“. Но вся жизнь о. Іоанна, насколько ее мы знаемъ, была подвигомъ самоотреченія и любви,—есть жизнь во Христѣ, на знамени его можно начертать слова Псалмопѣвца, кои были написаны о. Іоанномъ въ письмѣ ко мнѣ: „что мн есть на небеси и отъ Тебе что восхотѣвъ на земли? Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего и часть моя, Боже во вѣкъ (Пс. 72, 25, 26); вся ко благоугожденію Твоему и мудрствующе и дѣюще“. Все для меня Господь. Онъ моя вѣра, мое упованіе, моя любовь, моя крѣпость, моя сила, мой міръ, моя радость, мое богатство, моя пища, мое одѣяніе, моя жизнь,—словомъ все мое. Такъ, человѣче, все для тебя Господь, и ты будь всѣмъ для Господа“ (т. 4 стр. 307).

Нѣтъ у о. Іоанна своей личной жизни;—она всецѣло отдана на служеніе Богу и народу: „счастливыхъ семей, Лиза, и безъ насъ довольно, говорилъ онъ своей женѣ еще въ началѣ своего пастырскаго служенія, а мы съ тобой посвятимъ себя на служеніе Богу“.

Любовь его до готовности положенія души за други своя проявляется во всемъ его служеніи. Сколько на самомъ дѣлѣ надо самоотверженной любви къ братіи, чтобы о нихъ непрестанно воіять—молиться Богу, посвятить имъ свою жизнь до самозабвенія, болѣть ихъ болѣзнями, нести ихъ немощи, однимъ словомъ сколько надо рѣшимости и подвига, чтобы нести на себѣ подобное великое служеніе?! „Ахъ, какими трудами, потомъ и слезами достигается приближеніе сердца нашего къ Богу“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (4 т. 22). Боже мой, какъ трудно надлежащимъ образомъ исповѣдывать! Сколько отъ врага препятствій! Какъ тяжко согрѣшаешь предъ Богомъ, исповѣдуя не надлежащимъ образомъ... О спасеніи

другихъ молись такъ, какъ о своемъ собственномъ“ (5 т. стр. 154; т. 4, 45). Не жалѣй себя для сердечной молитвы даже тогда, когда ты весь день провелъ въ трудахъ:—она дѣло Божіе. Выше Бога плоти своей не ставь, и пренебреги для Него покоемъ тѣлеснымъ (4 т. 21 стр.).

Пастырь, по взгляду о. Іоанна,—ангелъ земной, другъ человѣчества, органъ Утѣшителя Духа, носитель любви евангельской, печальникъ о всемъ мірѣ, уста всѣхъ, утѣшитель печальныхъ и скорбящихъ, заступникъ гонимыхъ, врачъ духовный и тѣлесный, отецъ, молитвенникъ. Но чтобы быть врачемъ нужно самому быть свободнымъ отъ страстей (врачу исцѣлися самъ Лук. 4, 23), чтобы быть печальникомъ и носителемъ любви евангельской, нужно ее возгрѣть въ себѣ: добра, свѣта и любви столько вносится въ жизнь, сколько мы ихъ имѣемъ въ себѣ,—только чистый и обильный источникъ можетъ источать и напаять обильно чистою водою. У о. Іоанна слова тожественны съ дѣломъ: онъ учитъ и говоритъ и молится съ собственнаго опыта. И легко ли, спрашивается, осуществлять ему въ своей жизни высокое Христоподражательное званіе?—легко ли нести многотрудный „до крови“ и самоотверженный до самозабвенія подвигъ добраго Пастыря?

Молитвенному подвигу онъ отдастъ можно сказать все время: спитъ часа 3—4 въ сутки. Если онъ когда и выбираетъ минуты отдыха, такъ это ночью въ рубкѣ парохода, или въ вагонѣ: здѣсь онъ въ дали отъ толпы. Но стоитъ ему вступить на берегъ или вокзалъ, гдѣ есть люди, онъ уже не принадлежитъ себѣ: всѣ бросаются къ нему. Достаточно видѣть слезную молитву о. Іоанна, достаточно одинъ разъ побывать на общей исповѣди, чтобы понять,—поразиться его глубокою скорбію и любовію за пасомыхъ. Его настроеніе, его сострадательная любовь и вызываетъ покаянный плачъ на исповѣди. „Какая тѣсная связь, говоритъ онъ самъ, между душами! Вѣрно слово Апостола: мы есмы другъ другу удове-члены (Еф. 4, 25), или единo тѣло есмы мнози (I Кор. 10, 17). Отъ единыя крови весь родъ человѣческій. (Дѣян. 17, 26). Потому то божественная заповѣдь требуетъ: возлюбиши искренняго твоего, якоже себѣ (Матѳ. 22, 39). На взаимномъ чув-

ствѣ или пониманіи нашихъ душъ другъ друга основывается дѣйствіе или бездѣйствіе проповѣдническихъ словъ: если проповѣдникъ говоритъ не отъ сердца, лицемѣрно, слушатели внутреннимъ чувствомъ понимаютъ несоотвѣтствіе словъ проповѣдника съ его сердцемъ, съ его жизнью, и слово не имѣетъ той силы, которую оно могло бы принести въ случаѣ, когда проповѣдникъ произнесъ бы его сердечно, особенно когда самъ исполнялъ бы свое слово на дѣлѣ. Между душами человѣческими находится слишкомъ тѣсная связь и сообщеніе. Потому то добрыя, благочестивыя сердечныя расположенія сообщительны душамъ другихъ, особенно же добрыя дѣла. Наши душевныя расположенія, даже не выражемыя внѣшними знаками, сильно дѣйствуютъ на душевное расположеніе другихъ. Это бываетъ силошь и рядомъ, хотя не всѣ замѣчаютъ это (Т. 4-й стр. 144, 145 и 53). *„Глубоко скорблю, пишетъ онъ*, плачу и рыдаю объ ужасной язвѣ грѣха, растлѣвающей человѣчество, бѣдствующее неизмѣримо неописанно, многообразно,—о прелести грѣха, которою плѣняется человѣчество и работаетъ грѣху, и даже хвастаетъ своею работою, и утѣшается, какъ какою прибылью“ (Христ. Фил. 105 стр.).

Пастырское настроеніе и въ Писаніи сравнивается съ материнской самоотверженной любовью, предваряемой муками рожденія (Іоан. 18 гл. 20—22). Чѣмъ болѣе самоотреченія пастыря, чѣмъ мучительнѣе скорбь его за паству, тѣмъ она спасительнѣе и для чадъ его, паствы. По тѣсной таинственной связи его самопожертвованіемъ и самоотреченіемъ возрождается паства. „Смерть въ насъ дѣйствуетъ говоритъ апостолъ, а животъ въ васъ“ (2 Кор. 4, 12). Тѣсная связь находится между главою и членами, между пастыремъ и пасомыми... (Матѳ. 5, 16. Мѳ. 6, 23). Да, если свѣтъ въ пастырѣ помрачается, то онъ необходимо помрачается и въ паствѣ: по тѣсной духовной связи его съ нею, главы съ членами. Крѣпко ты стоишь въ духовныхъ доблестяхъ и они тверды, стоишь на молитвѣ и усердно молишься за нихъ и они это чувствуютъ; укрѣпляешься духовно ты,—укрѣпляются они; разслабѣваешь ты—разслабѣваютъ и они. Господи помилуй мя (5-й т. Моя жизнь во Христѣ 223 стр.).

„По мѣрѣ того, какъ ты будешь оставлять всякое пристрастіе къ пищѣ, питію, одеждѣ, къ деньгамъ и ко всякимъ плотскимъ удовольствіямъ ради Бога—въ душѣ твоей будетъ возникать и усиливаться огнь Божественной любви—и всякая добродѣтель: кротость, смиреніе, воздержаніе, чистота и цѣломудріе, терпѣніе, снисхожденіе къ немощамъ и проступкамъ ближнихъ, справедливость или правота во всѣхъ помышленіяхъ, чувствахъ и поступкахъ“. (Правд. о Бог. м. и чел. 24 стр.) Пшеничное зерно если умретъ принесетъ много плода (Іоан. 12, 24).

Вотъ вамъ картина, рисующая цѣльную любовь пастыря. „Находясь въ Кіевѣ, пишетъ очевидецъ проф. С., о. Іоаннъ посѣтилъ лазаретъ Левашовскаго пансіона. Въ числѣ другихъ о. Іоанну указали дѣвочку, которая страдала тяжелымъ тифомъ, и у которой незадолго предъ этимъ вскрытъ былъ обширный гнойникъ позади уха. Едва о. Іоаннъ взглянулъ на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнемъ чувства. Онъ быстро подошелъ къ больной, палъ къ кровати и, стоя на колѣняхъ, приникъ къ лицу страдалицы, осыпая его искреннѣйшими ласками и поцѣлуями. Тутъ сказалась вся богатоодаренная душа о. Іоанна. Какъ самая любящая мать ласкалъ и утѣшалъ онъ болящую: „Милое дитя, тебѣ не больно... страдалица ты моя“,—говорилъ онъ.

Воцарилось совершенное безмолвіе, и вся сцена произвела глубочайшее впечатлѣніе. Возможно было вспомнить сказанныя слова, но нѣтъ средствъ передать тонъ, оттѣнки голоса и всѣ переливы несравненной мелодіи чувствъ, которая вылилась изъ души любвеобильнаго пастыря. Мы присутствовали при самыхъ глубокихъ проявленіяхъ, на которыя способна человѣческая душа. Тутъ все сказалось: и пылъ беззавѣтнаго святого чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость, и скорбь у постели больного человѣка, и наконецъ несравненная симпатія со всѣми оттѣнками и модуляціями могучаго чувства“. (Душеп. Чт. 1900 г. Дек.).

Вотъ другой извѣстный случай возрожденія грѣшника любовію пастыря. И—въ, прежній богачъ, промотавшій и пропившій все свое достояніе находится на краю погибели:

въ отчаяніи готовъ наложить на себя руки, лучшій выходъ для себя видитъ въ самоубійствѣ.

—„Господи, буди милостивъ ко мнѣ грѣшному! Боже, помоги мнѣ“,—простоналъ онъ, зайдя въ послѣдній разъ въ церковь.

Его шопотъ пронесся по храму и заставилъ присутствовавшихъ обернуться... И—въ давилъ себѣ рукою горло. Изъ подъ ногтей выступила кровь...—„Пріидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Азъ упокою вы,—произнесъ голосъ надъ самымъ ухомъ И—ва. Онъ выпустилъ свое горло и, повернувъ лицо, увидѣлъ рядомъ съ собой о. Іоанна. Кроткій пастырь положилъ ему на плечо руку и сказалъ:

—Плачь, сынъ мой, о грѣхахъ своихъ! это на пользу тебѣ въ будущемъ. Путь спасенія не усыпанъ розами, и терпія много на немъ, но за то сладокъ вѣнецъ!

—Батюшка силъ моихъ нѣтъ,—простоналъ И—въ, падая на колѣни.

—Силъ много: *тамъ*! Проси и дастся тебѣ! Мы немощны, и никто не устоялъ бы противъ врага, но Господь милосердъ. Онъ—Заступникъ и Помощникъ нашъ, Его именемъ сильны мы. Помолимся вмѣстѣ...

—Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, кончилъ молитву о. Іоаннъ, да дается тебѣ сила и крѣпость въ борьбѣ съ врагомъ! Да побѣдишь ты его и будешь жить во Христѣ! Силою данной мнѣ власти благословляю тебя!

Все стихло. И—въ поднялся съ колѣнъ. Пастыря уже не было. Но странно: ему казалось, что о. Іоаннъ тутъ, и благотворная, удивительная сила его съ нимъ—переворотъ въ немъ произошелъ чудесный. Исчезло сразу все, что терзало и мучило его... Теперь И—въ владѣетъ домами и дѣлаетъ крупныя пожертвованія на добрыя дома. Пьянство никогда не манитъ его.

—„Благій Человѣколюбче!—молится за другого несчастнаго пьяницу о. Іоаннъ: Иже тварь единымъ словомъ содѣлавый и изъ нея человѣка создавый, посѣти неизрѣченнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ падшаго сего раба, яко да не погибнетъ до конца дѣло руки Твоя... Господи! Имя Тебѣ—Любовь-не отвергни меня, заблуждающагося человѣка. Имя Тебѣ—Си-

ла: подкрѣпи меня изнемогающаго и падающаго. Имя Тебѣ—Свѣтъ: просвѣти душу мою, омраченную житейскими страстями. Имя Тебѣ—Миръ: умири мятущуюся душу мою. Имя Тебѣ—Милость: не переставай миловать меня!"

Съ каждымъ словомъ молитвы слезы умиленія, разскаянія и радости душили бѣднаго пьяницу, пока онъ наконецъ не зарыдалъ;—и онъ возродился для новой жизни, загладивъ прошлое... (Два дня въ Кронш., В. М. гл. 6-я).

—Господи! Животе нашъ! молится за больныхъ у престола Господня пастырь. Какъ мнѣ помыслить легко объ исцѣленіи, такъ Тебѣ легко исцѣлить всякую болѣзнь; какъ мнѣ помыслить легко о воскресеніи мертвыхъ, такъ Тебѣ легко воскресить всякаго мертвеца. Исцѣли убо раба Твоего...

И дерзновенная неустанная молитва о. Іоанна проникаетъ на небеса, низводя помощь и здравіе... И много, много примѣровъ пастырской любви и воздѣйствія, какъ врача и утѣшителя, печальника и молитвенника можно видѣть и описано въ пастырскомъ подвигѣ о. Іоанна.

Любовь одухотворяетъ вообще всю дѣятельность о. Іоанна. Эта любовь отражается и въ его внѣшнемъ видѣ, въ его свѣтлыхъ глазахъ, на его лицѣ и во всемъ обращеніи. Когда весь человѣкъ, говоритъ І. Лѣствичникъ, какъ бы сраствренъ Божіею любовію, тогда и наружность его въ тѣлѣ, какъ-бы въ зеркалѣ какомъ, показываетъ свѣтлость души. Такъ прославленъ боговидецъ опытный Моисей (сл. 30). Поэтъ такими чертами рисуетъ одного избранника:

И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный;
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья,
Во блескѣ юной красоты,
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью;
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья,
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ непохожій,

Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ, какъ архангелъ Божій...

***

То Іоаннъ изъ Галилеи,
Его любимый ученикъ...

(А. Толстой).

„Добродѣтельный невольно привлекаетъ на себя взоры всѣхъ. Отчего? Оттого, что благоуханіе невольно заставляетъ остановить на себѣ вниманіе и подышать имъ. Посмотрите на самую наружность добродѣтельнаго, на его лице. Что это за лице? Это ангельскій ликъ. Кротость и смиреніе разлиты по нему и плѣняютъ невольно всѣхъ своею красотою. Обратите вниманіе на рѣчь его; отъ нея еще больше благоуханія; тутъ вы какъ бы лицемъ къ лицу съ его душею—и таете отъ его сладкой бесѣды. Эти слова о. Іоанна (4 т. стр. 32) приложимы къ нему самому.

Въ любви и самоотверженномъ, истинно—пастырскомъ подвигѣ о. Іоанна находится объясненіе всего его великаго, властнаго и славнаго служенія.—„Съ терновника не собираютъ винограда и съ репейника смоквъ“ (Матѳ. 7 гл. 16). Не можетъ быть, чтобы на своемъ скорбномъ и трудномъ пути о. Іоаннъ не унывалъ, не колебался и не падалъ. Избранныя, такъ называемыя подвижническія натуры, имѣютъ одну со всѣми природу и отличаются отъ другихъ людей только большею рѣшимостью и самопринужденіемъ въ слѣдованіи пути Христову. На вопросъ: „почему мы, батюшка, не имѣемъ такой строгой жизни, какую вели древніе подвижники благочестія?“ Преподобный Серафимъ Саровскій отвѣчалъ: „потому, что не имѣемъ къ тому рѣшимости. Если—бы рѣшимость имѣли, то и жили бы такъ, какъ отцы, древле просіявшіе подвигами и благочестіемъ; потому что благодать Божія къ вѣрнымъ и всемъ сердцемъ ищущимъ Господа нынѣ та—же, какая и была прежде: ибо, по слову Божію, Іисусъ Христосъ вчера и днесь, той же и во вѣки“ (Житіе старца Серафима стр. 235) И о. Іоаннъ самъ говоритъ о своей немощной природѣ: „Нога моя ста на правотѣ, говоритъ царь и пророкъ

Давидъ. Отчего бы и мнѣ давно не утвердиться на этомъ Божіемъ пути, не уклониться совершенно отъ зла и не творить только благо? Отчего бы не утвердиться на твердой точкѣ стоянія, какъ этого достигли прежде насъ жившіе и подвизавшіеся святые? Развѣ у нихъ и у насъ не таже природа? Развѣ они жили безъ искушеній, безъ скорбей и болѣзней? Развѣ не нападалъ на нихъ грѣхъ, развѣ не боролись они съ различными страстями плоти и духа? Боролись и побѣждали. Причина грѣха вѣдь въ насъ самихъ въ плоти нашей многострастной... (Христ. фил. стр. 176). Мы хотя возвеличены саномъ, но природа наша одинакова съ вашею, немощная и подверженная преткновеніямъ. И какой человѣкъ смертный можетъ вполнѣ соотвѣтствовать высотѣ и святости сана священническаго?“ (Ист. сл. въ Андр. соб. стр. 332).

Всѣ люди немощны, всѣ падаютъ, но подвижники чаще каются и оплакиваютъ свой грѣхъ. „Тебя борютъ грѣхи, страсти различныя? говоритъ о. Іоаннъ. И меня борютъ. Тебя соблазняетъ врагъ? И меня также. Ты падаешь? И я падаю. Но я падаю и всегда возстаю. Борютъ и побѣждаютъ меня страсти, напр. гнѣвъ, гордость, зависть, вождѣніе. Но я немедленно каюсь, молюсь, плачу, напрягаю вѣру, надежду на Господа, молюсь горячо о помилованіи и побѣждаю страсти мои и враговъ моихъ невидимыхъ, борющихъ меня, и возстаю“ (Христ. фил. 182 стр.).

Итакъ, много скорби пастырю, гдѣ же утѣшеніе для него? Гдѣ онъ беретъ силу для своего необыкновенно—труднаго служенія? Силу и утѣшеніе на своемъ скорбномъ пути онъ находитъ въ самомъ своемъ служеніи: въ благодати Божіей въ немъ и чрезъ него дѣйствующей. Какъ книжный свитокъ, на которомъ было вписано: рыданіе и жалость и горе, съѣденный, по повелѣнію Божію, пророкомъ, оказался въ устахъ его, какъ медъ, сладокъ (Іез. гл. 2 и 3), такъ и для о. Іоанна „книга скорби“ служитъ источникомъ утѣшенія и радости.

Награды нѣтъ для добрыхъ дѣлъ—
Любовь и скорбь одно и то—же,
Но этой скорбью кто скорбѣлъ,
Тому всѣхъ благъ она дороже...

Посылая апостоловъ своихъ на проповѣдь, на трудное служеніе, гдѣ ожидаютъ ихъ гоненія и бѣдствія, Христосъ Спаситель указалъ имъ на два источника ихъ силы и утѣшенія. Утѣшеніе они должны имѣть прежде всего въ Немъ Самомъ; имѣя Его въ памяти и представляя Его крестъ, ученики могутъ легко переносить бѣдствія „блаженни есть, аще творите я“ (Іоан. XIV, 17). Самое исполненіе заповѣдей Христовыхъ, соотвѣтствіе ихъ духовной сторонѣ человѣка даетъ сердечную отраду ихъ исполнителю.

Второй родъ утѣшенія для учениковъ Христовыхъ, какъ плодъ отъ ихъ трудовъ, заключается, указанъ въ усердіи, любви и услугахъ тѣхъ самыхъ лицъ, съ коими ученики входятъ въ соприкосновеніе.

„Пріемляй васъ, т. е. того, кого я пошлю, говоритъ Христосъ, Меня пріемлетъ, а пріемляй Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя“ (Матѳ. 10, 40).

И что можетъ сравняться съ радостію принятія Христа и Его Отца? И развѣ мало это утѣшеніе для учениковъ Христа, когда ихъ принимаютъ, какъ посланниковъ Христовыхъ, и оказываютъ имъ услуги, какъ Христу? И Св. Апостолъ Павелъ, упоминая о своемъ такомъ утѣшеніи, говоритъ, что его приняли какъ Ангела и готовы были ему отдать свои глаза (Галат. гл. 4-я 14, 15).

Этихъ обоего рода утѣшеній не лишенъ и о. Іоаннъ. Объ утѣшеніи Господнемъ при подвигѣ о. Іоаннъ говоритъ, напр. слѣдующее: „иго Мое благо и бремя Мое легко есть (Матѳ. XI, 30). Сколько сладостно работать Господу искреннимъ сердцемъ! Какой миръ, какая сладость, легкость, просторъ на душѣ при сердечной молитвѣ, чтеніи слова Божія, дѣланіи добрыхъ дѣлъ! — Сколько духовной нетлѣнной сладости, покоя и блаженства находится въ исполненіи воли Божіей, благой, святой, премудрой, нетлѣнной, вѣчной, блаженной! Столь много, что изъ за этого блаженства любомудрые христіане и христіанки претерпѣвали съ радостію всякія мученія, изнуренія плоти, денноночныя молитвенныя стоянія, всякія насмѣшки, огорченія и озлобленія, и гоненія отъ людей и отъ бѣсовъ, и всякія иныя злострадания и не обманулись въ своей надеждѣ —получили вѣчныя блага и вѣчное блаженство“ (Христ. фи-

лософ. стр. 206, 188). Не трудно бываетъ, говоритъ одинъ писатель, самое многотрудное шествіе чрезъ пустыню жизни въ обѣтованную страну небесную, когда и горькія воды Мерры услаждены погруженіемъ цѣлебнаго древа Креста (Письма о должн. свящ. сана стр. 219).

Стоя у источника благодати, черпая изъ этого кладезя живую воду для другихъ, о. Іоаннъ и самъ обильно пьетъ ее. „Не думайте, говоритъ онъ, что вѣра наша не животворна для насъ пастырей, что мы лицемѣрно служимъ Богу. Нѣтъ: мы первые больше всѣхъ пользуемся милостями Божіими и знаемъ по опыту, что для насъ Господь съ его таинствами, что Его Матерь Пречистая и Его Святые... мы часто, часто испытывали на себѣ ихъ животворность, небесные дары мира и радости о Духѣ Святомъ... Говоримъ это искренно, съ сознаніемъ всей истины и силъ своихъ“ (т. 4, стр. 8, 9).

Въ этомъ неизсякаемомъ источникѣ благодати онъ и почерпаетъ для себя силу. „Я исполненъ немощей, и знаю мои немощи, но сила Божія въ немощи совершается (2 Кор. 12, 9). Какой ангельскій, многообъемлющій умъ изочтетъ всѣ тайные дары Божіи душѣ моей, благодатные дары милости, очищенія, освященія, мира, умиленія, свободы и простора душевнаго, радости въ Духѣ Святомъ, дерзновенія и силы и многоразличной помощи, коихъ я невидимо сподоблялся во всѣ дни моего священствованія“. Слава Спасителю нашему Богу! Онъ видитъ, что я неложно возсылаю Ему славу. Только Имъ и о имени Его я славенъ, а безъ Него—безчестенъ; только Имъ силенъ, а безъ Него немощенъ; съ Нимъ святъ, безъ Него исполненъ грѣховъ; съ Нимъ дерзаю, безъ Него малодушествую; съ Нимъ кротокъ и смиренъ, безъ Него раздражителенъ и не благъ. Возвеличите же Господа со мною и вознесемъ имя Его вкупѣ.“—(Псал. 33, 4: Том. 3-й стр. 358).

Безъ благодати Божіей и не мыслимъ такой великій многотрудный молитвенный пастырскій подвигъ, какъ подвигъ о. Іоанна.

По мѣрѣ того, говоритъ Апостолъ, какъ избыточествуютъ страданія Христовы въ насъ, умножается Христомъ утѣшеніе наше (2 Кор. 1, 5) По мѣрѣ трудовъ Господь услажда-

стъ горькую чашу пастыря. „Господь не оставляетъ трудящихся для Него и долго предстоящихъ Ему, въ иже мѣру они мѣрятъ, возмѣряетъ и Онъ, и, соотвѣтственно обилію истинныхъ словъ ихъ молитвы, посылаетъ въ душу ихъ обиліе духовнаго свѣта, теплоты духовной, мира и радости“ (т. 4 стр. 168). Чѣмъ болѣе о. Іоаннъ трудится и изнуряетъ себя, тѣмъ болѣе у него появляется силы и крѣпости.

О. Іоаннъ получаетъ увѣреніе въ силѣ своей молитвы. „Мнѣ, призванному Господомъ на широкое молитвенное служеніе людямъ, говоритъ о. Іоаннъ, приходилось быть личнымъ свидѣтелемъ множества чудесныхъ исцѣленій вѣрующихъ отъ самыхъ разнообразныхъ болѣзней—скораго или даже мгновеннаго исцѣленія хромыхъ, слѣпыхъ, глухихъ, одержимыхъ разными долговременными недугами. Свидѣтельствуюсь въ томъ Богомъ, не лгу. (Поуч. 1898 г. 95 стр.). Сколько разъ я не молился съ вѣрою, Богъ всегда слушалъ меня и исполнялъ молитвы мои“ (5 т. стр. 321).

Еще въ дѣтствѣ онъ горячею молитвою испросилъ себѣ у дающаго всѣмъ просто и безъ упрековъ (Іак. 1, 6) Бога понятливость и разумъ въ ученіи.

„Священнику, даетъ онъ совѣтъ, нужно самому испытать и силу вѣры, и сладость молитвы, и оставленіе грѣховъ и то, когда она бываетъ безуспѣшна, и скорби душевныя, когда они постигаютъ, и утѣшенія благодатныя, чтобы въ молитвѣ къ Богу о вѣрующихъ говорить такъ: даруй имъ такое же благо, какъ даруешь Ты его всегда мнѣ, недостойному, чтобы обо всемъ просить съ собственнаго опыта... Познанъ буди, молитъ онъ самъ, и прочими людьми Твоими тако, якоже мнѣ явился еси, Человѣколюбче, да вѣдаютъ Тебя, Отца всѣхъ“... (4 т. 76, 234 стр.).

Въ самой своей жизни о. Іоаннъ видитъ неложность и другихъ обѣтованій Божіихъ: чѣмъ, напр., болѣе раздастъ онъ вещественныхъ даровъ, тѣмъ болѣе получаетъ.— „Доселѣ я не оскудѣвалъ ни въ чемъ, милуя другихъ, не оскудѣю и до конца, ибо Господь той же вчера и днесь“ (Евр 13, 8). Не напрасно сказано: рука дающаго не оскудѣетъ. Доселѣ Господь приращалъ мнѣ блага временныя, а не отнималъ ихъ. Слав-

лю щедроты Господни, богатый промыслъ Его“ (V т. 14 стр.).

Возгрѣтая любовь пастыря, какъ и всякое чувство, требуетъ приложенія и чѣмъ чаще прилагается, тѣмъ болѣе разгорается. „Она есть огненный источникъ: въ какой мѣрѣ источаетъ питіе, въ такой мѣрѣ распаляетъ жаждущаго“ (I. Лѣств.). „Боже, имя Тебѣ—Любовь! научи Ты меня истинной любви, какъ смерть крѣпкой. Вотъ я презобильно вкусилъ сладости ея отъ общенія въ духѣ вѣры, яже въ Тя, съ вѣрными рабами и рабынями Твоими, и презобильно умиротворенъ и оживотворенъ ею. Утверди, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси во мнѣ. О, если бы это такъ было во вся дни!“ (т. 4, стр. 146).

Благоволеніе Божіе къ смиренному пастырю проявляется и въ нѣкоторыхъ чрезвычайныхъ явленіяхъ. „На 15 августа, пишетъ онъ, въ день Успенія Богоматери 1898 года я имѣлъ счастіе въ первый разъ видѣть во снѣ явственно лицемъ къ лицу Царицу Небесную и слышать ея сладчайшій, блаженный, одобрительный гласъ: „милѣйшія вы чада Отца Небеснаго“,—тогда какъ я, сознавая свое окаянство, взиралъ на пречистый ликъ Ея съ трепетомъ и съ мыслью: не отринетъ ли меня отъ себя съ гнѣвомъ Царица Небесная! О, ликъ пресвятый и преблагій! О, очи голубыя и голубиныя, добрыя, спокойныя, величественныя, небесныя, божественныя! Но забуду я Васъ дивныя очи! Минуту продолжалось это явленіе, потомъ она ушла отъ меня неторопливо, перешагнула за небольшой оврагъ и скрылась. Я видѣлъ сзади шествіе небесной Посѣтительницы. Сначала я видѣлъ ее какъ бы на иконѣ ясно,—а потомъ Она отдѣлилась отъ нея, сошла и подвиглась въ путь.

„Замѣчательно видѣніе одного мірянина въ храмѣ во имя Святого Апостола Андрея Первозваннаго, именно—видѣніе Спасителя, простирающаго на всѣхъ предстоящихъ во время общей исповѣди и разрѣшенія грѣховъ мною—Божественныя руки Свои, объемлющаго всѣхъ. Благодарю Господа за сіе видѣніе, за сію милость, извѣствующую, что дѣло общей исповѣди Ему пріятно и дѣлается согласно съ Его Божественною волею“ (Христ. философ. стр. 137—8).

Обильное утѣшеніе и второго рода получаетъ пастырь т. е. отъ принимающихъ его, отъ самаго многочисленнаго народа, который несетъ къ нему свою скорбь, доставляетъ ему и утѣшеніе. Его пастырская любовь и молитва, обнимающія всѣхъ, тѣсно соединяютъ, роднятъ его со всѣми. „Какая чудная, говоритъ онъ, объединяющая сила молитвы церковной за всѣхъ, сродняющая всѣ души! Вотъ я, благодатію Божіею, молюсь во время литургіи особенно сердечно за всѣхъ, за весь освященный соборъ братіи, за Царя, Царицу и весь царствующій домъ, за Палату, все воинство и всѣ сословія,—и Господь всѣхъ приблизилъ ко мнѣ духомъ, всѣхъ сроднилъ со мною—взрослыхъ и дѣтей, все сословіе учащагося юношества. Всѣ ко мнѣ (исключая невѣрующихъ) душевно расположены, любятъ, чтутъ меня ничтожнаго, грѣшнаго человѣка (Хр. фил. 126 стр.). Боже мой, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, какъ любовь и искреннее сочувствіе къ намъ ближняго услаждаютъ наше сердце! Кто опишетъ это блаженство сердца, проникнутаго чувствомъ любви ко мнѣ другихъ и моей любви къ другимъ? Это неописанно... О, какую сладость сокрылъ Ты, Владыко, Любовь наша безпредѣльная, въ духовной, согрѣтой любовію, бесѣдѣ духовнаго отца съ своими духовными чадами, какое блаженство! И какъ мнѣ не подвизаться на землѣ всѣми силами за такое блаженство?“—(5 т. 145 и 146 стр).

Любовь народная является отвѣтомъ и наградою за его жизненный подвигъ. Вотъ какъ онъ самъ говоритъ о народной любви къ нему.—„Вездѣ прославило меня Имя Твое, Господи: и у трона царей, и у всѣхъ важныхъ и сильныхъ міра сего, и у богатыхъ и небогатыхъ, образованныхъ и простыхъ людей; всюду принесло оно и приноситъ непрестанно отраду, миръ, избавленіе, спасеніе, здравіе, утѣшеніе, облегченіе, побѣду надъ козними вражіими. Сколь чудно Имя Твое, Господи! Какъ чудно, державно, властно, сильно влечетъ всѣхъ ко мнѣ, убогому, благодать Твоя, во мнѣ живущая и пребывающая чрезъ частое причащеніе Св. Таинъ Твоихъ, пречистаго Тѣла и Крови Твоея!..

Господи! благодарю Тебя за чудеса Св. Таинъ, совершающіеся во мнѣ и въ народѣ Русскомъ ежедневно: Ты влечешь меня и его къ Тебѣ чудною, всемогущею, непобѣдимою си-

лою, вся Россія православная влечется къ Тебѣ! Влеки, влеки, влеки Слове Божій, Творче нашъ, Избавителю нашъ, Спасителю нашъ, влеки къ себѣ всѣхъ и вся (Правда о Бог. мір. и челов. стр. 80).

Благодареніе Богу!—я самъ вижу плоды своихъ пастырскихъ трудовъ. Въ Андреевскомъ соборѣ, а онъ большой, народу бываетъ тысячъ до пяти, и все это множество слушаетъ меня, какъ одинъ человѣкъ, никакого шума, толкотни, глаза всѣхъ устремлены на меня. Когда я выхожу изъ храма, меня съ любовію окружаетъ народъ, всѣ съ сіяющими лицами, у всѣхъ видно благодатно-радостное настроеніе.

Все это плоды моей молитвы и проповѣди. Извините меня, досточтимые пастыри, что я говорю такъ о себѣ. Боже, сохрани меня, чтобы я, говорилъ это для самохваленія. Боже упаси! Нѣтъ не я все это дѣлаю, а благодать Божія, почивающая на мнѣ—священникѣ... О братіе, намъ много дано отъ Господа Бога благодати, и если мы сохранимъ этотъ даръ Божій, то мы непобѣдимы"... (Рѣчь Нижегор. паст.) Что народъ любитъ своего пастыря, это истина у всѣхъ на виду. Въ предсмертныя минуты Царя-Миротворца Александра III, 20 октября 1894 года, онъ умирающій счелъ нужнымъ сказать о. Іоанну: „Васъ любитъ народъ".

И смиренный пастырь, сознавая всю важность минуты кротко отвѣтилъ: „да, Ваше Величество, Вашъ народъ любитъ меня."

„Онъ знаетъ, кто Вы и что Вы", добавилъ Государь.

Эта любовь влечетъ неудержимо тысячную толпу въ Кронштадтъ. Дни—19 октября—день Ангела о. Іоанна, юбилеи его священнослуженія—двадцатипятилѣтній, тридцатипятилѣтній, сорокалѣтній, сорокапятилѣтній отправляются съ рѣдкою поразительною торжественностью. Можно сказать,—эти дни торжество всей православной Руси. Любовь не знаетъ границъ и ничего не жалѣетъ для любимаго человѣка;—и можно ли исчислить всѣ проявленія глубокой любви народа къ о. Іоанну? Любовь сдѣлала его какъ бы мученикомъ—ему приходится скрываться и бѣгать отъ народа. Иногда эта любовь къ нему обнаруживается страстно, болѣзненно: извѣстно, что раза два кусали пальцы о. Іоанну съ намѣреніемъ откусить совершенно, на

память или какъ святыню; разрывали части его одежды и тому подоби. Къ нему сносятся постоянно различные вещественные дары, дѣлаютъ крупныя пожертвованія, чрезъ его руки, можно сказать, проходятъ милліоны рублей. По любви къ нему готовы за нимъ слѣдовать всюду. Одно воспоминаніе имени о. Іоанна у людей, не видавшихъ его, вызываетъ отрадныя слезы умиленія. А сколько святой радости, восторга, счастливыхъ слезъ въ его присутствіи?! „Солнышко ты наше красное, отецъ ты нашъ родненькій, батюшка—голубчикъ, батюшка дорогой, золотой“ и др. подобныя сердечно—нѣжныя восклицанія слышатся въ народной толпѣ по адресу любимаго пастыря. По любви къ нему, истинному пастырю, какъ живому носителю святости и правды, по его зову, какъ говорили мы, измѣняютъ многіе свою жизнь къ лучшему: повидавъ его, дали обѣтъ исправиться и исправили свою грѣховную жизнь. „Больше сія не имамъ радости, говоритъ Апостолъ Іоаннъ Богословъ, да слышу моя чада во истинѣ ходяща“ (3-е п. ст. 4-й).

Извѣстный подвижникъ—Паисій Величковскій много разъ говорилъ, что, когда онъ видѣлъ чадъ своихъ духовныхъ подвизающимися и трудящимися хранить заповѣди Божіи, то такую неизрѣченную духовную радость въ душѣ своей имѣлъ, что даже въ царствѣ небесномъ не желалъ бы имѣть большей радости (Старч. 80 стр.).

И у о. Іоанна много случаевъ для подобнаго рода пастырской радости. А общая исповѣдь, всенародный плачъ, развѣ это не проявленіе любви къ Богу и любимому пастырю? И развѣ слеза покаянная, вздохъ кающагося грѣшника не сладостны и для пастыря, который извлекъ ихъ своимъ словомъ изъ окамененнаго сердца грѣшника?

„Коль многое множество благости Твоея, Господи, юже скрылъ еси боящимся Тебѣ! (Пс. 30, 20). И такъ въ самомъ пастырскомъ служеніи своемъ въ глубокой любви народной о. Іоаннъ находитъ для себя радость, услаждающую его скорбный путь. Это же служеніе обѣщаетъ ему награду отъ Пастыреначальника Христа и тамъ—на небѣ“.—Кто намъ упованіе или радость или вѣнецъ похваленія? вопрошаетъ Апос-

толъ. Не вы—ли предъ Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ въ пришествіи Его? (Сол. 2, 19).

„Если изведешь честное изъ недостойнаго, то какъ уста Мои будешь“, сказалъ Самъ Господь пророку (Іерем. 15, 19). „Какъ бы содѣйственникомъ безплотныхъ и умныхъ силъ оказывается тотъ, кто дарованною ему отъ Бога чистотою очищаетъ скверны другихъ, и изъ укоризненнаго приноситъ неукоризненный даръ Богу. Ибо сіе одно составляетъ всегдашнее занятіе Божественныхъ священнослужителей. Вси, иже окрестъ Его, принесутъ дары, то есть души (Пс. 75, 12. І. Лѣств. Сл. пастырю гл. 13).

Это служеніе—высшее проявленіе любви христіанской: „никто не можетъ болѣе Христа любить, какъ тотъ, который спасенія ближняго ищетъ“ (Св. Тихонъ Вор. Твор. т. 2, стр. 319).

Много о высотѣ пастырскаго служенія говоритъ и пишетъ и самъ о. Іоаннъ. Вотъ какими, напримѣръ, чертами у него рисуется высота пастырскаго служенія: „но кто этотъ ангелъ, предстоящій престолу Господню? ибо ангеламъ свойственно служить непрестанно Господу и предстоять престолу Его. Это ходатай о людяхъ, носящій образъ Ходатая,—Богочеловѣка Іисуса Христа; это одинъ изъ человѣковъ, поставленный на службу Богу, какъ говоритъ апостолъ Павелъ; но его служеніе ангельское. Онъ посредникъ между Богомъ и людьми, близкій другъ Его, по слову Господа: вы друзи Мои есте, аще творите, елика заповѣдую вамъ (Іоан. 15 14); это какъ бы Богъ для людей, со властію вязать и рѣшить грѣхи человѣковъ, священнодѣйствовать для нихъ животворящія и страшныя Тайны; обожаться ими и другихъ обожать чрезъ нихъ; это второй новозавѣтный Моисей, руководствующій сонмъ Божій по пустынѣ міра сего въ землю обѣтованную; это Илія новозавѣтный, питающій братію свою хлѣбомъ небеснымъ во время духовнаго глада грѣховнаго. Это священникъ. Высоко званіе, священника! (6-й т. 117 стр.) Нѣтъ ничего важнѣе на свѣтѣ, какъ спасеніе душъ человѣческихъ и нѣтъ предмета болѣе достойнаго непрестаннаго и всегдашняго памятованія, какъ искупленіе міра Сыномъ Божіимъ отъ грѣха, проклятія и вѣчной смерти“. (5 т. 173 стр.)

„Нѣтъ выше дѣла на землѣ, которе я дѣлаю, говоритъ онъ, дѣла совершенія литургіи и причащенія Св. Животворящихъ Таинъ Тѣла и Крови Господней народа, которому я преподаю въ свое время Божественное Житомѣріе по слову Господа. Потому съ веселіемъ непрестающимъ я причащаю тысячи народа, идущаго ко мнѣ, паче же ко Господу: ибо за это обѣщана отъ Него великая награда преподающимъ“ (Правда о Бог. м. и ч. стр. 132).

Радость пастыря при успѣшномъ исполненіи великаго дѣла, при извлеченіи душъ изъ мрака страстей и грѣха является началомъ и залогомъ другой радости нескончаемой, которую Господь обѣщалъ въ царствѣ Отца Его и другомъ своимъ“ (Іоанн. 14, 15), взявшимъ иго и бремя Его на себя.

„Когда раздастся блаженный и животворящій гласъ Спасителя: пріидите, благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ царство отъ сложенія міра (Матѳ. 25, 34), тогда совершится великое его (врага нашего) преданіе, егда предастъ царство Богу и Отцу (Кор. 15, 24). Тогда-же каждый изъ святыхъ, приводя сыновъ, которыхъ Богъ спасъ чрезъ него, громогласно и съ великимъ дерзновеніемъ при общемъ удивленіи Святыхъ Ангеловъ и всѣхъ небесныхъ силъ, скажетъ: се азъ и дѣти, яже ми даде Богъ (Исаія 8, 18); и не только ихъ, но и себя предастъ Богу; и тогда Богъ будетъ всяческая во всѣхъ“ (Кор. 15, 28; Варс. Вел. отв. 208).

Но прежде чѣмъ совершится это „послѣдняя“ и прежде чѣмъ предастъ царство Богу и Отцу, намъ—призваннымъ участникамъ царства нужно бодрствовать, толикъ имѣя облакъ свидѣтелей, съ терпѣніемъ течь въ предлежащій подвигъ, уготовляться въ сосуды въ честь, силотиться и тѣснѣе идти подъ знаменіемъ креста. Впереди насъ теперь сильный знаменосецъ Христовъ—пастырь, не дрогнетъ знамя въ его сильной рукѣ! Примѣръ этого знаменосца показываетъ, что путь скорби и креста есть въ тоже время путь радости и побѣды и что и теперь, и въ міру можно жить правдой, подвизаться и спасаться!

„Подвизайтесь, братіе и сестры, скажу словами о. Іоанна, усердно ради спасенія своей души и царствія небеснаго. Подвизающимся сплетаются свѣтлые вѣнцы нетлѣнія и

вѣчной славы и радости. Не дремлите, не спите; ускоряйте свое шествіе къ Богу. Царствіе небесное нудится и нуждницы восхищаютъ е.“ (Матѳ. 11 гл. 12).

„Обновляйтесь, ветхаго человѣка съ дѣлами его совлекайтесь, тлѣніе отлагайте, страсти распинайте и искореняйте. Поститесь, молитесь“. (Правд. о Богѣ м. и ч. стр. 198).

„Евангеліе царствія Божія, которое Іисусъ Христосъ проповѣдывалъ и въ которое доселѣ всѣхъ призываетъ, стоитъ того, чтобы употребить всѣ силы для достиженія его. Начатки этого царствія, ощущаемые по временамъ нами и здѣсь на землѣ, во время напримѣръ искренней молитвы, или Богомыслія, или слезнаго покаянія, или когда мы творимъ добрыя дѣла, крайне сладостны; какова же сладость царствія небеснаго тамъ—на небѣ? Будемъ же достигать всѣ царствія Божія“ (Т. 2, стр. 305).

И дай Богъ, чтобы сей пастырь съ безчисленнымъ сонмомъ чадъ духовныхъ своихъ съ дерзновеніемъ сказалъ Домувладыкѣ: се азъ и дѣти... „Испытанное мною безмѣрное милосердіе Божіе и близость ко мнѣ всегдашняя Господа увѣряетъ меня, говоритъ о. Іоаннъ, въ надеждѣ вѣчнаго моего спасенія и всѣхъ руководствуемыхъ и послушающихъ меня во спасеніе по слову писанія: се азъ и дѣти, яже ми далъ есть Богъ“ (Евр. 2, 13, Исаіи 8, 18). Сіе буди, буди!

Славное имя отца Іоанна
Для скорбныхъ сіяетъ лучемъ упованья...
О, пастырь нашъ добрый, въ скорбяхъ утѣшитель!
Для родины милой будь Ангелъ Хранитель
На долгіе годы! И насъ вдохнови
Съ грѣхомъ и соблазномъ на трудную битву,
Творя предъ престоломъ святую молитву,
Великій подвижникъ Христовой любви! *(Миловзорова).*

Протоіерей Семипалатинскаго Знаменскаго собора
Александръ Соловьевъ.

Извлечено изъ №№ 6—7 Омскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей
г. Омскъ. Тип. К. И. Демидовой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . 1—стр.

Глава I-я.

Первая поѣздка въ 1893 г. . . . . 4—стр.

Глава II-я.

Вторая поѣздка въ 1895 г. и третья въ 1902 г. . 24—стр.

Глава III-я

Общій взглядъ на служеніе о. Іоанна. Скорби пастыря, его утѣшенія и награда . . . . 37—стр.

У того же *автора* въ г. Семипалатинскѣ продается книга: „**Старчество по ученію свв. отцовъ и аскетовъ**“. Цѣна **70** коп. съ перес.

2007056307